

Обещание Алексы Райли книга 1

Мистер и Миссис

от автора бестселлеров по версии USA Today

АЛЕКСА РАЙЛИ

Филипп был женат на Молли в течение года. Он настолько одержим своей новой женой, что ему просто необходимо придерживаться нормальных чувств. Если бы она знала, как он сходит по ней с ума, она бы оттолкнула его.

Молли чувствует, что расстояние растёт между ними, и она беспокоится, что ей этого недостаточно. Однажды ночью она едет к Филиппу, и это всё меняет.

Филипп узнаёт, что Молли попала в аварию и теперь у неё амнезия, но он собирается сделать всё возможное, чтобы снова влюбить её в себя. На этот раз его ничего не остановит.

Предупреждение: Возможно, это безумно и глупо. Но, если вы хотите окунуться в это безумие вместе с нами и провести немного времени вдали от реальности, тогда вперед!

- ◆ Переводчик: Алекс
- ◆ Редакторы: Ирина Духова
- ◆ Обложка: Ника М.
- ◆ Вычитка: Светлана

Добро пожаловать в серию «Обещания» Алексы Райли. Эта серия стара, как мир. Эти тропы давно пройдены, со всеми нашими такими вьевшимися, властными альфами и сладостной, никуда не годной, нежностью.

Эти короткие книги будут посвящены именно этим традиционным и классическим тропам в стиле Алексы Райли: никакого обмана и всегда только ПРАВДА. Это наше Обещание вам.

ГЛАВА 1

Молли

— Молли, просто дай всему этому больше времени. Я уверена, что ты забеременеешь.

Я смотрю на безвкусный салат, который просто гоняю по тарелке, не чувствуя ни малейшего голода. Но обед был намного интереснее, чем просто торчать в пентхаусе всю ночь в четвертый раз на этой неделе. Филипп работает допоздна. Снова. Это уже становится обыденным для меня.

Это его квартира, хотя и зовётся «нашей». Мне всё ещё кажется странным, что он по-прежнему называет её домом, хотя мы женаты и живем в ней уже, как год. Но я не думаю, что её и раньше можно было назвать настоящим домом. По-прежнему кажется, что дом его, нежели мой. Мы до сих пор так и не смогли обрести дом. Дом, который будет домом, о котором я всегда мечтала. Так сильно хотела и мечтала большую часть своей жизни. Филипп, похоже, в восторге от этого, но он продолжает отодвигать это на задний план, и я иногда ловлю себя на мысли, что делаю то же самое.

Синди кладет руку на мою, успокаивающе сжимая её. Всем известно, что мы пытались завести ребенка с того самого момента, как сказали «Согласны». Я была не в восторге, что скрывала, как была взволнована заводить семью, но Филипп побуждал меня быть более

напористее в этом, чтобы взглянуть на вещи более реально. Он начал осуществлять эти маленькие мечты, которые таились в моей голове. Всё это было частью сказочной мечты, в которую я попала в тот момент, когда встретила Филиппа.

Молодая девушка безумно влюблена в нового делового партнёра своего отца, и он сбивает её с ног, закрутив в вихре брака. Пресса проглотила наживку. Миллионер Филипп Таннер наконец-то остепенился. И не просто остепенился, а с дочерью его делового партнёра, Чарльза Мура. Их партнёрство объединило две крупнейшие фирмы-хедж-фонды в стране, и, как полагали, они были нерушимыми вместе. Они такими и были.

Я улыбаюсь Синди, одаривая её успокаивающим взглядом. — Я знаю, когда придёт время, я забеременею. — Я даже не уверена, есть ли малыш внутри меня прямо сейчас — это нечто особенное, потому что семья — это всё, что я когда-либо хотела.

Я хотела все это. Белый забор, двое или пятеро деток и муж, который бы меня обожал. Я даже могла бы смириться с тем, что не буду центром его внимания, но мне хотелось этого внимания для своих деток. Я не получала его от своего отца, и я бы не сделала этого со своими детьми. Я бы никогда не привела их в дом, который никогда не ощущался бы настоящим домом.

Я смогу справиться с этим. Я люблю своего мужа и знаю, что он любит меня, но последнее время всё стало таким сумасшедшим, и я волнуюсь, что, возможно, это не просто работа, которая настолько отдалила его. Может, это я. Что если я не дотягиваю до той клятвы, которую дала? Что, если новизна улетучилась прочь, как было у моих родителей? Я стискиваю зубы, пытаюсь, избавиться от этой мысли.

Но это просто не укладывается в голове, судя по тому, как Филипп прикасается ко мне. Он любит меня каждую ночь, когда заползает в постель, даже после долгого рабочего дня. Он не может заснуть, не занявшись со мной любовью.

За исключением прошлой ночи. Я не знаю, когда он вернулся домой, и такое было впервые. Я заснула, прежде чем он вернулся домой и проснулась, когда он поцеловал меня сегодняшним утром. Он сказал, что у него была важная встреча и, что он расскажет обо всём в эти выходные.

— Есть что-то ещё? Ты на себя просто не похожа, — Синди убирает свою руку от моей, чтобы изучить меня. Она очень хорошо читает людей. А, если быть точной, она сказала мне ещё при первой встрече, что мы станем лучшими подругами, так оно и случилось.

И она права. Есть что-то ещё. Это то, что начало зарождать во мне зерно сомнения. То, что заставило меня хорошенько задуматься обо всех этих долгих часах работы за последний месяц.

— У него появился новый секретарь, — наконец выплёвываю я, зная, что Синди в конечном итоге вытащит это из меня, поэтому скрывать не было смысла.

— Ох, я слышала, что Дебра ушла на пенсию.

Я киваю. Да, Дебра ушла более месяца назад и переехала во Флориду, чтобы насладиться её выходом на пенсию, с мужем. Я любила эту женщину. Она всегда была такой милой, и всякий раз, когда я звонила или заходила, она всегда старалась организовать встречу с моим мужем, независимо от того, что он делал. Всё остальное было остановлено, а встречи прерваны.

Новый секретарь не такой.

— Даже не смей этого произносить, — Синди откидывается на спинку стула, её каштановые волосы падают ей на лицо.

Я даже не могу сказать об этом вслух. Это как клише, я не могу позволить словам сорваться с моих губ. Она тоже выглядит, как клише. Высокая, худая, большие голубые глаза и светлые волосы, которые всегда кажутся совершенно идеальными. Как и всё остальное. Волосы всегда уложены, и она ходит на пятидюймовых каблуках весь день. Я бы уже сломала себе шею. Это выглядит так, словно ей и пытаться не следует.

— Если честно, я тебе даже не позволю произнести это. Боже, это же Филипп. — Она смеётся, словно сумасшедшая. — Этот человек по уши в тебя влюблён. Я знаю, в отличие от меня ты не в курсе о том, что было до этого у Филиппа.

Синди одна из моих единственных подруг в Нью-Йорке, я встретила её благодаря Филиппу. Как и всех остальных здесь. Я жила в школе-интернате, затем пошла в колледж, а потом оказалась в квартире Филиппа. Вся моя семья и друзья находились за тысячи километров в Сиэтле.

— Он был занудой ... ну, он всё ещё немного такой. — Она усмехается, как будто она дала ему пинок под зад, и он реально получил его. — Всегда в работе и никаких развлечений. До тебя. Как думаешь, почему пресса так дико среагировала? Они пытались поймать его с женщиной много лет, пока он бегал по городу с одной единственной. Поверь мне, он не заинтересован в секретарше. Я знаю его с колледжа и ни разу не видела его на свиданиях, пока он не встретил тебя.

Я знаю, что это правда. Я провела свой позорный поиск в Google в первый раз, когда встретила его. Он ничего не выдал. Я даже и не думала, что он проявит ко мне какой-то интерес. Он на десять лет старше меня. В то время, когда мы встречались, мне было всего двадцать. Некоторые говорили, что он сделал это только для того, чтобы обеспечить партнёрство с моим более солидным отцом. Я же никогда об этом не задумывалась. Он заставил меня почувствовать себя особенной, кем-то, как я ещё никогда себя не ощущала. Быть центром чьего-то мира было настолько чуждо мне. Я поверила в это. Теперь, когда какой-то из этих центров вернул его к работе, всё стало немного одиноким. Одиночество — это чувство, которое он отнял у меня в тот момент, когда я встретила его. Мне не нравится то, что это чувство снова вернулось в мою жизнь.

Мы встречались тайно два месяца до моего двадцать первого дня рождения, потом мы решили раскрыть перед всеми наши чувства, и через месяц я вышла замуж. Он даже заставил нас ждать до нашей брачной ночи, прежде чем в первый раз взять меня. С самого начала мы говорили о желании иметь семью, и он говорил, что не стоит торопиться, поэтому мы ждали.

Ну, мы ждали, чтобы пройти всё вместе до конца. Филипп провёл много ночей со своим ртом на мне. Рассказывая мне всё, что сделает со мной, когда я скажу «Согласна». Не могу посчитать, сколько раз он прокрадывался в мою комнату в доме моего отца после того, как они заканчивали свои посиделки в офисе моего папы. Я ложилась спать одна, а просыпалась с Филиппом между моих ног. Несколько ночей он пожирал меня так, словно умирал от голода. Другие ночи он заставлял меня обещать снова и снова, что я выйду за него замуж, перед тем, как давал мне то, в чём я так нуждалась. Он никогда не позволял мне возвращать должок. К его члену я подобралась перед нашей брачной ночью, и то, мы тёрлись друг об друга, его штаны никогда не снимались или расстёгивались.

Но действительно ли мужчина может продержаться месяцы без секса? Я отталкивала эту мысль как можно дальше.

— Знаю. Я глупая. Понимаю, что он любит меня. Но когда я звоню или появляюсь, его

секретарша такая грубая. Я клянусь, каждый раз, когда вижу её, она сует свои гигантские сиськи ему в лицо или издаёт свой глупый смешок. Каждый раз, когда я звоню, у неё есть причина, по которой Филипп не может принять звонок. Всё. Время. — Я всё понимаю, у него много работы, и я чувствую себя одинокой в этом гигантском городе, и за последние несколько месяцев во мне возросла гигантская неуверенность.

— Поговори с ним, — бросает Синди, наклоняясь вперёд, её голубые глаза сужаются, как всегда, когда она встаёт на ноги, чтобы сражаться. Это то, что она часто делает в зале суда.

— Я знаю, что должна. Я поговорю с ним об этом. Просто иногда я чувствую себя немного не в своей тарелке. Я намного моложе всех, и понимаю, что он управляет компанией, и я не хочу быть помехой, женой-липучкой, которая ненадёжна. — Иногда я чувствую себя немного потерянной в своём мире, и было бы ложью, если бы я не вспоминала времена, когда я прерывала некоторые из встреч своего отца, только чтобы поссориться и почувствовать себя ненужной. У меня есть степень в области истории искусств, и я горжусь этим, но иногда мне этого бывает мало. Но я знаю, что это моё личное дело. Филипп никогда не пытался поговорить со мной или запретить мне что-либо, но старина-неуверенность иногда всё же приходит.

— К чёрту это, — она откидывается назад, заставляя меня улыбнуться. Одна из причин, почему я так сблизилась с Синди, потому что она не такая, как многие другие женщины, которых я встречала в Нью-Йорке. Она также не любит некоторых жён бизнес-партнёров Филиппа. Она всегда говорит, что думает, и я хочу быть такой же.

— Этот человек будет злиться, если узнает, что его секретарь рассматривает тебя, как дерьмо. На самом деле, держу пари, он мог бы выдворить её задницу, если бы у него возник хоть один намёк, что она делает что-то подобное.

Я понимаю, что она говорит правду. Однажды я сказала Филиппу мимоходом, что не думаю, что швейцар в здании, в котором мы жили, очень любил меня. В любое время, когда я пыталась о чём-то его спросить, он тут же игнорировал меня и говорил мне, что я не должна никуда выходить без своего мужа. Он постоянно упрекал меня в возрасте, словно я не принадлежала этому миру. Он реально напросился, когда однажды утром он ударил меня, когда Филипп ушёл рано в офис. Я приструнила его тут же. Излишне говорить, что после того, как я сказал Филиппу, что случилось, я больше не видела этого человека.

— Ты права. Я сделаю всё, чтобы быть достойнее этого, я покончу с этим. — Я хватаю свою сумочку со стула, заставив Синди улыбнуться. — Ты не против? — спрашиваю я. Нам еще даже не принесли горячее.

— Конечно, нет.

Я встаю и наклоняюсь, чтобы поцеловать её в щёку.

— Позвони мне. Я хочу знать все подробности.

Я выхожу из ресторана на оживлённый нью-йоркский тротуар. Взглянув на свои часы, вижу, что уже восемь. Я направляюсь к его зданию, которое находится всего в четырёх кварталах.

Рэд, охранник, пробирается ко мне, когда я захожу в практически пустое здание. Я нажимаю кнопку верхнего этажа и стучу ногой, когда он приходит в действие. Когда я выхожу, коридор совершенно пуст. Я иду в его кабинет, минуя пустой секретарский стол, и открываю тяжёлую дверь.

Вид, который открывается передо мной, почти опускает меня на колени, и это бы

произошло, не будь мои руки приклеены к двери, чтобы поддержать меня.

Там, посреди офиса Филиппа, совершенно голая, стоит Кэри. Секретарша. Филипп сидит на диване, с повёрнутым лицом, и я вижу, что его галстук развязан, а обувь сброшена. Его костюм расстёгнут и помят. Кэри просто в шоке смотрит на меня.

— Ты можешь забирать его, — я даже не знаю, как мне удалось произнести эти слова. Я разворачиваюсь и вылетаю пулей из офиса. Я нажимаю кнопку лифта, и, к счастью, он сразу открывается. Я всё это делаю, словно в трансе, пытаюсь держать себя в руках. Ты не сломаешься от этого. Я делаю глубокий вдох, пытаюсь успокоиться.

— Миссис Таннер, — зовет меня Рэд сзади, видя слёзы, стекающие по моему лицу. Я хватаю первое такси, которое вижу, и направляюсь напрямик в нашу квартиру. Я не перестаю думать о том, что делать дальше. Я все ещё в шоке.

Я упаковываю сумку в рекордные сроки, пишу записку и быстро отправляю сообщение Синди до того, как выключаю телефон и оставляю его на кухонном острове.

Может быть, Синди знает Филиппа, как думает она. Может быть, все думают, что он скучный, потому что он хорошо скрывает свою истинную сущность. Мой отец хорошо скрывал свои грязные секреты тоже, но, как и большинство вещей, тебе просто нужно посмотреть на них немножечко ближе. Вот тогда всё становится на свои места.

— Боже, ты такая наивная, — шепчу я себе.

Я иду на вокзал, где покупаю билет, расплачиваясь кредиткой, а затем снимаю столько налички, сколько мне позволит карточка. Затем ловлю такси и еду до автовокзала. Я хочу ненадолго исчезнуть, перед тем как снова встречу с ним. Я знаю, что рано или поздно он найдёт и поймает меня, если я недостаточно хорошо спрячусь.

Я смотрю на список пунктов назначения и выбираю место, которое, я надеюсь, он никогда не отгадает.

ГЛАВА 2

Филипп

Я просыпаюсь от толчка, смотрю на часы и вижу, что проспал. Я разминаю шею, пытаюсь смягчить боль от отёка, виной которому эта проклятая спальная кушетка. Я просто хотел прилечь на несколько минут, прежде чем уйти домой. В последнее время я так плохо спал, что мне нужно было просто подремать, чтобы вернуться в прежнюю форму.

Слияние в прошлом году прошло гладко, но последние несколько месяцев были адом. Каждую ночь я работаю, как проклятый. Я практически не вижу с Молли, поэтому по ночам, когда прихожу домой, всё, что могу сделать — это заниматься с ней любовью. Только один её вкус сводит меня с ума, что доказывает, как сильно я в ней нуждаюсь. Затем, когда она засыпает, я провожу всю ночь, просто обнимая её и наблюдая, как она спит. Я ничего не могу с этим поделать. Слишком глубока моя любовь к ней. Как бы ненормально это ни звучало, но я уже давным-давно проиграл эту битву. Что есть, то есть. Я больше не борюсь с этой потребностью в ней.

Я уже и раньше догадывался об этом. Она вернула краски в мой мир, когда я посмотрел на неё. Чувства, которые я никогда не ощущал, ожили. Раньше я никогда не нуждался в другом. Может быть, потому что у меня никогда такого не было. Я всегда был один, сколько себя помню, и мне это безумно нравилось. Не хотел быть одним из тех приёмных детей,

просящих внимания или требующих принятия в семью. Я знал, что должен полагаться только на себя.

Я пошёл в школу, затем в колледж, экономя каждый заработанный цент на подпольных боях, в которых принимал участие, чтобы оплачивать свои счета. Затем я принялся инвестировать одну вещь за другой. Казалось, я достаточно хорошо понимал, что будет следующей грандиозной вещью. Это стало привычкой. И всё, о чём я мог думать: как увеличить прибыль моего предприятия? И всё отлично работало, пока она не появилась в моей жизни.

Теперь она моя зависимость. В каждой моей мысли, в каждом действии. Заставляя меня хотеть и жаждать вещи, которые я никогда не думал, что буду хотеть. Я не хочу растрачивать ни минуты, когда я рядом с ней, поэтому меньше всего трачу на сон. Я всё время говорю себе, что выплусь, когда умру, и это начинает сказываться на мне.

Однако у меня запланирован большой уикенд и, если у меня получится, то тогда всё станет просто отлично. Я тренирую свою замену последние шесть месяцев, привожу его сюда и показываю ему всё, что я делаю. Это отняло много времени, и я не стал говорить об этом Молли. После того, как мы поженились, я старался держать подальше свою потребность в ней. Она такая молодая и красивая, и я не хотел душить ее своими желаниями. Она цветущий цветок, и я чувствовал, что моя темнота поглотит её. Я не хотел, чтобы она падала духом или обижалась на меня за то, что я ограничивал ее свободу. Поэтому я упорно трудился и пытался держаться подальше, напоминая себе, что это ради неё, что она таким образом будет счастлива. Ни одна женщина не захочет, чтобы её муж душил её. Я же желал, чтобы она завела здесь новых друзей, и у неё была новая жизнь. Если бы всё зависело от меня, мы бы уже давным-давно были вдвоём в нашем собственном доме вдали от города. Я эгоистично хочу, чтобы она была со мной. Мысль о том, чтобы быть запертым с ней в одном доме у океана и больше никаких помех, словно мечта, готовая стать реальностью. Я никогда не хотел чего-то подобного до Молли, но она изменила всё это для меня. Заставила желать что-то ещё.

Сидя на диване, я пытаюсь разгладить складки на штанах. Я спал слишком долго, и теперь выгляжу, как дерьмо. Мне очень хочется вернуться домой, но я понимаю, что, как только переступлю порог дома, то тут же окажусь на ней. Это немного нездоровая зависимость от неё. Я не могу желать, чтобы она хотела секса со мной каждое утро и ночь. Ни одна женщина этого не захочет. Раньше я никогда не думал о таком дерьме насчёт секса. Это всегда была следующая сделка или следующий шаг, который я мог бы сделать, чтобы расширить свою компанию. Это было тем, от чего я кайфовал. Я утопал в своей работе, ну а теперь всё, чего я хочу — это утонуть в ней.

Я натягиваю свою обувь, забираю пальто, ключи и выхожу из своего кабинета. Я удивлён, когда вижу, что Кэри сидит за своим столом. Я сказал ей идти домой несколько часов назад. Она начинает создавать проблему. Райан, моя замена, нанял её. Поскольку он был тем, кто взял на себя ежедневные обязанности, я сказал ему, что он может нанять кого-то вместо Дебры. И тот, кого он одобрит, будет работать вместе с ним, а не со мной. Мне было так грустно видеть, как Дебра уходит. Она была единственным подобием матери, которая когда-либо была в моей жизни, но я не мог винить её в желании провести время с мужем. Я чувствовал то же самое.

— Кэри, почему ты здесь? Уже почти одиннадцать ночи. — Я не жду ответа, проходя мимо неё до лифта и нажимая кнопку. Я планирую позвонить Райану по дороге домой и

сказать ему, чтобы он избавился от неё. Мне всё равно, что осталась еще неделя. Сам он женат, и нам здесь не нужно такое дерьмо.

— Филипп, я хотела поговорить. Возможно, мы могли бы пропустить по стаканчику, прежде чем отправиться домой.

Слышу я голос за своей спиной, пока жду, когда поднимется лифт. Мне требуются все силы, чтобы не развернуться и не накричать на неё. Даже просто её присутствие раздражает меня, и я так чертовски устал. Я поймал её несколько раз на заигрываниях со мной. Сначала я подумал, может быть, я неправильно понял её, но стало ясно, что это не так. К счастью, лифт поднялся и двери открылись. Я вхожу и поворачиваюсь, глядя на неё.

— Я уже неоднократно говорил тебе не называть меня Филиппом, и меня это не интересует. Так же, как и выпивка с тобой. Я сказал, чтобы ты ушла в пять часов, я не думаю, что в твоём расписании появились дополнительные часы. Это непрофессионально, и я поговорю об этом с мистером Эрролом. — Отойдя, я нажимаю кнопку первого этажа и наблюдаю, как на её лице появляется паника, когда двери лифта закрываются. У меня нет времени, чтобы попытаться выяснить, что это значит. Я хочу вернуться домой к Молли и увидеть её красивое лицо.

В конечном итоге ловлю такси до дома, не желая дёргать водителя или садиться на поезд в такое время. По дороге домой я разговариваю с Райаном и объясняю ему, что Кэри — проблема. Он уверяет меня, что первым делом он поговорит с ней, и после этого её уже не будет. Это часть работы, которую я ненавижу больше всего, но это необходимая мера. Такие как Кэри делают карьеру через постель, но я не просто так тратил годы, строя компанию, чтобы, как кусок дерьма протащить нашего нового лидера через грязь. Есть много желающих на это место, и я не говорю, что Райан — святой, но работа это не то, где ты можешь облажаться.

Когда такси подъезжает к нашему зданию, я бросаю деньги таксисту и выхожу. Моё сердцебиение учащается, и я пытаюсь его немного успокоить. Если бы это зависело от меня, я бы зашёл в квартиру и, заключив Молли в объятия, заставил нас трахаться, как кроликов на кухонном столе. Я бы всю ночь разговаривал с ней и рассказывал ей, как сильно я люблю её.

Но я не могу этого сделать.

Вероятно, она уже в постели, пытается отдохнуть до того момента, когда я разбужу её ночью. Иногда моя потребность в ней настолько сильна, что она пересиливает мой здравый смысл, и я бужу её, чтобы взять, когда она всё ещё спит. Мне стыдно, что я не могу контролировать свою любовь к ней, и я стараюсь сделать всё как можно лучше. Вчера вечером я просто сел на стул у кровати и наблюдал, как она спит. Я знал, что, если лягу в постель, то снова захочу её, но ей нужен был отдых. Я не хочу, чтобы она думала, что всё сводится к сексу.

Я всё время говорю себе, что, когда я уйду с работы, у нас появится больше времени на нас, и эта ненасытная потребность в ней пройдёт. Мы женаты уже год, и я боюсь, что потребность в ней только ухудшилась. Чем дольше мы вместе, тем глубже моя привязанность. Но у меня есть план, как завязать с работой, и начать наш брак по-новому. Ей, возможно, станет трудно проводить столько времени со мной, но, я надеюсь, что мы сможем делать то, что ей нравится вместе, чтобы она не чувствовала меня обузой.

Когда я захожу в наш пентхаус, я кладу ключи от дома и телефон за дверь и чувствую, что хмурюсь. Картину, которую я ей подарил раньше, ещё не повесили. Я сделал этот снимок, когда впервые поцеловал её. Это было в библиотеке, в доме её отца, в комнате,

которую я знал, что она любит. Я не объяснил причину, почему сделал её, потому что она выглядела слишком расстроено, когда увидела её. Я немного опешил, поэтому сказал ей, что все потому, что я знаю, как она любит книги. Я подумал, возможно, это подтолкнёт её к тому, что она могла бы повесить её в нашем доме, или подтолкнёт её разместить любые свои вещи в доме. Касающиеся её. Я даже сказал ей, где, по моему мнению, картина будет выглядеть отлично — в том месте, которое мы видим каждый день, как только заходим в наш дом. Она только улыбнулась мне натянуто, и картина осталась валяться в ящике, в углу комнаты.

Я сказал ей, что она может делать всё, что захочет, здесь, но она, похоже, не заинтересовалась этой идеей. Мы говорили о том, чтобы построить свой дом, и это обрадовало её. Она подробно рассказала мне, что хотела, и поэтому я нанял архитектора, рассказав ему о том, что она хочет, и попросил его заняться этим для меня. Мне хотелось, чтобы место выглядело как сказка, которую она описала, и затем я представлю ей это, как сюрприз.

Вот о чём будет этот потрясающий уик-энд. Спланировано всё до мельчайшей детали, теперь работа завершена. Навсегда.

Когда я прохожу мимо кухонного островка, я кое-что замечаю там, но продолжаю идти. Я слишком хочу увидеть Молли, чтобы останавливаться и проверять кое-что, что я увидел краем глаза.

Заходя в спальню, я могу поклясться, что что-то не так. Я не ощущаю её присутствия в ней. Я слегка клацаю выключатель, немного паникуя, и когда замечаю, что кровать пуста, нервозность накрывает меня.

— Молли? — зову я, думая, что, возможно, она в ванной. Но, когда я начинаю обыскивать дом, то понимаю, что во всех комнатах стоит тишина и никакого признака её присутствия.

— Молли! — на этот раз я кричу в коридоре, позволяя панике завладеть мной. Пришло время прекратить играть в игры.

Я проношусь по квартире, хватаю свой телефон и иду на кухню. Я проверяю свои сообщения, но от неё ничего нет, поэтому я отправляю ей одно. Она, должно быть, забыла предупредить меня, что сегодня задержится. Возможно, я смогу встретить её. Я так скучаю по ней, и мне не нравится, что она так поздно вернётся. Я должен был быть здесь, чтобы пойти вместе с ней. Я качаю головой.

Выжидаю минуту, а затем мои глаза скользят к тому, что я видел ранее, когда только вошёл. Это маленький клочок бумаги, и я протягиваю руку и поддвигаю его к себе.

Такое чувство, словно меня пнули в живот. Я смотрю на её обручальное кольцо, лежащее на граните рядом с запиской, и падаю на колени. Пульс стучит в ушах, и я не могу понять, что происходит. Такое ощущение, словно я в туннеле, и я падаю. Воздух покидает мои легкие, а перед глазами появляются черные пятна. Незадолго до того, как чернота берёт верх, передо мной скользят слова.

Я не смогу выполнить обещания. Не ищи меня.

ГЛАВА 3

Молли

— Вау, Молли, это реально классно. — Я смотрю на Оскара. Он держит белую сумку, которую, как я предполагаю, он принес из "Закусочной Элейн" — местной закусочной в двух кварталах от пляжа. Он улыбается мне, солнце светит на его чёрные волосы, показывая седину.

Мои глаза возвращаются к картине, над которой я проработала всё утро, и наконец-то я увидела это. Этот момент моей жизни, который я никогда не смогу забыть. Отпечаток в памяти. Я могла бы нарисовать его даже во сне, если бы смогла уснуть.

— Мне бы очень хотелось узнать, на что он смотрит, — добавляет он, садясь рядом со мной на старую белую деревянную скамью, которая стоит возле пляжа. За последние несколько месяцев у меня возникло такое ощущение, словно это моя скамья. Я провожу большую часть своего времени на этом пляже, делая это. Рисуя.

Сегодня я пришла сюда еще до того, как солнце начало подниматься над бесконечным океаном. Всё вокруг меня просыпалось, возвращалось к жизни, оставляя меня в темноте. Я не могу больше спать. Я не знаю, как можно быть настолько истощённой и не хотеть спать. Я просто продолжаю думать, что потерплю крах, но, как только я это делаю, я просыпаюсь минутой спустя. Сладостно-горькие сны — это больше, чем я могу вынести. Они дразнят и мучают меня.

Кто же думал, что сладкие воспоминания могут врезаться в память так глубоко? Заставляя вас не закрывать глаза ночью, потому что вы знаете, что вас ждет? Заставляя вас скучать по тому, что вы не можете иметь? Я даже начала задаваться вопросом "что я действительно видела в офисе Филиппа в тот раз?", потому что ни разу мне не приснились события той ночи. Нет. Всё, что мне снилось — это те вещи, которые заставляли меня любить его ещё больше. Боже, кто же знал, что такая сильная любовь к нему приведёт на самое дно.

Ночами он крепко прижимал меня к себе и рассказывал о всех тех вещах, которые мы собираемся сделать вместе. О жизни, которая у нас могла бы быть. Он хотел такую же жизнь, потому что у него никогда не было семьи. Он всегда заставлял меня улыбаться, когда говорил, что не хотел семьи, пока не встретил меня. Что он просто ждал меня, чтобы я его пробудила. Что ему было так одиноко без меня. Что он даже не осознавал, кем он был на самом деле. Что он не жил по-настоящему, пока не встретил меня. В очередной раз заставляя меня почувствовать себя центром его мира.

Может, у меня и могла быть такая жизнь, если бы я была той женщиной, которой было бы наплевать. Это жалко, знаю, но я не перестаю думать об этом. Боль от того, что он не со мной намного сильнее, чем от того, что он завёл интрижку.

— На меня, — наконец-то говорю я, понимая, что забыла ответить Оскару. Это наша первая встреча с Филиппом. Я вошла в кабинет своего отца, и там был он — ждал возвращения моего папы. Я никогда не забуду это лицо. Его пристальные, глубокие голубые глаза сузились, когда он посмотрел на меня, а затем его лицо оживилось, показав ямочку, которая потом предназначалась только для меня. Мою ямочку. Я целовала её сотни раз. Это был мимолетный порыв. Я уже тогда понимала, что этот мужчина станет любовью всей моей жизни, до последнего вздоха. Никто и никогда не смотрел на меня так. Он заставил меня почувствовать, что мир начинался и заканчивался мной.

Больше всего мне нравилось то, каким другим он был со мной. Для остальных он был строгим, холодным и расчётливым. "Пугающий", — думаю, так скажут многие, но это было не то, что я увидела в первый раз. Он был милым и обаятельным, и я три часа разговаривала

с ним в офисе моего отца. Мы даже не знали, сколько прошло времени. Мой отец вошёл в кабинет, извинился и спросил, почему мы не отвечали на его телефонные звонки и сообщения. Это было похоже на то, словно мы потерялись в нашем маленьком мире, когда я была рядом с ним. Я даже заметила шок на лице Филиппа, когда он достал телефон из кармана костюма, удивленный тем, что он забыл про него. Мой папа даже пошутил, что обычно тот всё время приклеен к его руке.

Филипп наклонился и прошептал мне на ухо: — Я бы ушёл несколько часов назад и выбросил этот договор в окно, но теперь ничего не сможет меня удержать от этой сделки, если это означает, что я буду ждать в офисе твоего отца часами, чтобы просто поговорить с тобой.

Он всегда такой милый со мной. Я узнала о его жизни, которой он ни с кем не делился. Даже Синди говорила, что за те годы, что они были знакомы, она не так уж и много узнала о его прошлом. Никто, казалось, не знал этого, кроме меня. О борьбе, приёмной семье, стремлении быть лучшим. О том, что он потерял.

И только когда я видела его на работе или в окружении других людей, я понимала, что только мне известна его тайна. Он с ней тоже этим поделился? Мысль приходит сама собой. Этакое напоминание о том, что произошло. Вот, что привело меня на эту скамью, где я сижу в одиночестве большинство дней.

Из-за этих сладких воспоминаний я поверила тем словам, которые Синди сказала мне за обедом в ту ночь. Филипп никогда бы не сделал что-то подобное. Но он это сделал. Я видела это. Мой отец так же поступил с моей матерью. Понадобилось время, чтобы заметить это, или, возможно, я просто витала в облаках, а правда была перед носом. Нам нравится думать, что всё не так, как кажется. Филипп говорил мне, что у него есть тёмное прошлое.

Стало бы мне легче, если бы я могла себя вести так, как моя мать? Она казалось счастливой в то время, как это было совсем не так. Но мне просто интересно, было ли ей больно? Возможно. Почему она просто взяла и ушла? Мне всегда казалось, что это потому, что я напоминала ей о моём отце. Она даже не удосужилась поприсутствовать на одном из моих выпускных или даже на моей свадьбе. Всегда была причина, по которой она не могла этого сделать.

— Хмм. Он — отец твоего малыша? — Я в шоке смотрю на Оскара. Он смотрит на меня своими большими, нежными, карими глазами, его брови приподняты, а ухмылка играет на лице. Он очень напоминает мне моего деда. Может быть, именно поэтому я так сблизилась с ним. Он единственный человек в этом маленьком городке посреди глуши, с которым я реально поддерживаю беседу, но, честно говоря, он просто не даёт мне иного выбора. Как и сегодня, он обычно появляется с чем-то, чем можно перекусить, чтобы поесть, и мы сидим тут.

Моя рука автоматически тянется к животу, который, как я думала, еще не очень заметен.

— Я уже знаю некоторое время, но кажется, ты и не собиралась признаваться.

— Я думала, что хорошо это скрывала.

— Ты ещё совсем ребёнок. Поверь мне, дальше живот будет только расти. Я бы всё равно узнал, у моей жены таких было восемь.

Я только улыбаюсь. Я всегда улыбаюсь, когда он рассказывает о своей жене. Его улыбка начинает сиять на всё лицо при упоминании о ней. Мне это нравится. Я бы хотела быть такой же, как они. Скромная жизнь вместе, без всего мира, который постоянно давит, но я

понимала, какая ответственность лежит на плечах Филиппа. Я знала, на что шла, выбрав мужчину, которого любила и за которого вышла замуж. Он обещал мне, что однажды у нас будет жизнь, о которой я так мечтала.

Я знаю, что у Оскара много детей, все старше меня, и я часто их путаю, когда он говорит о них. Но это то, что происходит, когда вы даёте всем своим детям имена, начинающиеся с буквы С. Трудно запомнить.

Я потираю живот. Я хочу этого ребенка. Эта мысль заставляет меня волноваться, возможно, потому что я помню все те моменты, когда Филипп говорил о желании увидеть меня с нашим ребёнком, но я просто не хочу, чтобы люди задавали вопросы. Вопросы, на которые я не хочу отвечать или вовсе думать о них. Мне нравилось избегать их. Возможно, это не очень хорошо работало, но я пока справляюсь, и у меня ещё есть время. Пора взять себя в руки.

— Ну, — подталкивает меня Оскар плечом, затем достает коробку из белой сумки, открывает её, чтобы показать булочки с корицей, и предложить мне одну. Я беру одну из коробки. Булочка ещё тёплая, и я откусываю большой кусок. Голод появляется и исчезает. Иногда я чувствую, что могу съесть что угодно, а иногда мне приходится насильно запихивать в себя еду.

— Он отец, — признаюсь я.

— Мне очень нравится, как ты его изображаешь. Он не выглядит так хорошо даже по телевизору.

Моё лицо дёргается, когда он изучает картинку. Ему всё известно.

— Ты знаешь, кто я такая? — Он просто кивает головой, как будто это неважно. — Как долго тебе это известно?

— Как только я впервые увидел тебя.

— Вот как, — я откидываюсь на спинку скамейки. У меня нет слов. Мы не так уж и известны, но время от времени Филипп делал новости для работы. Оскар не первый человек, от которого я слышала, что Филипп выглядит устрашающе. Он большой парень. Его рост больше шести футов, он широк в плечах. Никакой худощавости. Я часто сравнивала его с танком, но это всегда заставляло меня чувствовать себя в безопасности. И опять же, мой Филипп был всегда нежен. Его глаза никогда не покидали моих. Или покидали? Теперь я не уверена в этом. Я знаю, он ищет меня. Мне даже пришлось позвонить в полицейский отдел Нью-Йорка, чтобы он не подал заявление о пропавшем без вести человеке. Затем я заставила своего адвоката отправить ему документы о разводе. Передать, что я соглашусь на всё, что он захочет. Я не собираюсь бороться с ним.

После этого я ничего от него не слышала, и мой адвокат сказал, что он ещё не ответил. Я не настаивала. Я просто хотела побыть в одиночестве как можно дольше. Я всё ещё пыталась принять тот факт, что я беременна. Я до сих пор была в растерянности. Я сама узнала об этом только месяц назад.

Время, казалось, сливалось воедино с бесконечными днями печали. Так было до тех пор, пока я не отпустила всё и не основалась на новом месте.

— Он выглядит ужасно.

— Я не смотрю телевизор и не читаю газеты. — Чёрт, у меня нет даже телевизора в крошечной студии, в которой я живу над маленькой типографией. Тем не менее, я не понимаю, что слова Оскара заставляют меня чувствовать. Счастье от того, что он выглядит ужасно или раскаяние, потому что я всё ещё люблю его, и мне ненавистна сама мысль

навредить ему, даже если он причинил мне боль.

— Я не могу с собой ничего поделать. Смотрю новости каждую ночь.

— Я собираюсь сказать ему, — отвечаю я, защищаясь. Я не хочу, чтобы он думал, что я не дам общаться ему с ребёнком, потому что я этого и не посмею сделать. Мне просто нужно взять себя в руки. Привести мысли в порядок. Я продолжаю думать, что время уменьшит боль, но я начинаю понимать, что ничего не поможет.

Единственная вещь, которую я знаю — я не буду похожа на мою мать. Она сбежала. Взяла и оставила меня. Возможно, это не была жизнь, которую я хотела, семья, о которой я мечтала, но я должна приложить все усилия. Я должна взять себя в руки. Вернуться в город и сделать то, что я должна сделать, чтобы мы оба были частью жизни ребёнка. У этого ребёнка будут оба родителя. Я просто надеюсь, что Филипп будет больше заниматься жизнью этого ребёнка, чем нашим браком.

Это убило бы меня, если бы ощущение новизны, которое дает появление ребенка, исчезло, как произошло с моей матерью. В любом случае, это было бы лучше, чем вообще не иметь отца. Мой отец, возможно, и не был совершенным, но он всё ещё оставался моим папой, в отличие от моей матери. Это уже хоть что-то.

— Не думал, что ты решишься. Просто не спеши. У тебя всё получится. — С этими словами он встаёт и бросает коробку в мусор.

Я в этом не так уж и уверена. Время не помогает, я просто проживаю дни за рисованием, а потом ложусь в постель и пялюсь в потолок. Отгоняя разные мысли. Я должна вернуться. Чем скорее, тем лучше.

Убедиться, чтобы всё было готово к рождению ребенка. Работать над тем, чтобы мы с Филиппом жили нормально.

Заканчивая доедать булочку, я облизываю свои пальцы, прежде чем начинаю собирать свои предметы искусства. Я кладу всё в сумку, складываю мольберт и помещаю его под руку. Я достаю телефон и набираю номер, который знаю наизусть. Я не уверена, хочу ли, чтобы она ответила.

— Синди Рид слушает, — голос Синди раздаётся по ту сторону, её голос заставляет меня прослезиться. Я скучаю по ней. Вероятно, она меня убьёт.

— Синди, это...

— Молли! — кричит она в телефон, перебив меня. — Где ты, чёрт возьми?

Я слышу, как кто-то задыхается на заднем плане. Это на самом деле заставляет меня улыбнуться. Боже, я действительно скучаю по ней.

— Я возвращаюсь домой. Хочу спросить, смогу ли остановиться у тебя, — спрашиваю я, отступая от тротуара, чтобы пересечь улицу в сторону моей маленькой квартиры. Мне нужно начать собирать вещи, потому что я знаю, как только я отключусь, Филипп обнаружит меня и появится здесь. Или ещё хуже, он этого просто не сделает.

Я едва слышу звук машины, прежде чем чувствую, как что-то ударяется об меня, валит меня на бетон, и всё становится чёрным.

ГЛАВА 4

Филипп

Ощущение моего врезающегося кулака в гипсокартон не даёт ровным счётом ничего,

чтобы облегчить мой гнев, пульсирующий сквозь мои вены, и грусть, лежащую тяжёлым камнем на сердце. Я очень злюсь, и такое чувство, что это меня всё больше поглощает, я чертовски напуган, не понимая, что ещё можно сделать. Я в отчаянии, но затем снова появляется такое ощущение, словно в любую секунду она вот-вот войдёт через эту дверь.

— Мистер Таннер, пожалуйста, поймите, мы делаем всё возможное, чтобы найти миссис Таннер.

Тряся кулаком, я пытаюсь вернуть чувствительность своей руке. От этого не становится лучше, но это всё, что мне удастся сделать. У меня есть команда из трёх частных следователей, и никто её не нашёл. Прошли недели, и никаких новостей.

Возможно, она уже мертва.

Моё сердце готово остановиться от одной этой мысли. Нет, я бы почувствовал, если бы её не было в живых. Я бы до мозга костей был уверен, если бы её не было на этой земле. Она вторая моя половинка, и я найду её. Независимо от того, сколько времени потребуется. Она говорила с полицией и адвокатом. Оба утверждали, что не знают, где она, но с ней было всё в порядке.

Она сбежала от меня, не сказав ни слова. Она задолжала мне объяснение, возможность все исправить. Я потираю лицо своей, теперь уже разбитой, рукой и вздыхаю. Я собирался всё наладить. У меня всё шло по плану. У нас бы всё получилось. Оставалось потерпеть всего лишь четыре часа, а затем бам!

Я шагаю дома по кабинету, не зная, как реагировать на это. Что мне сказать? Что доказывать? Я уже кричал на всех в этой комнате хотя бы один раз за сегодня. Я перестал работать после той ночи, когда она ушла, ожидая, что она войдет в эту дверь. После одной такой ночи, я понял, что больше не могу ждать, поэтому нанял Карла Майора и его команду для поисков Молли. Если ей было нужно время, чтобы остыть, она могла бы сделать это в другой комнате. Ей не нужно было покидать дом, если бы она думала о нашем браке.

— Как это нет ничего? — кричу я последнее слово, и мой голос эхом отдается от стен.

Двое мужчин, сидящих передо мной, немного вздрогнули, и я уверен, что выгляжу как сумасшедший. Я не спал неделями, просто ходил, как зомби. Моя старая ассистентка Дебра прилетела обратно из Флориды в течение нескольких дней, когда услышала, что Молли исчезла. Она приготовила мне много еды, к которой я так и не притронулся, и оставила некоторые продукты в морозильной камере. На прошлой неделе она вернулась к своей семье, но её недолгий визит был приятной новостью. И теперь я один на один со своим горем, я не могу это больше выносить. Возможно, я больной на голову, но, будь я проклят, если позволю ей бросить меня вот так.

Следователи спрашивали, были ли у нас какие-то проблемы в нашем браке. Я не знал, как объяснить им, что моя любовь к ней не поддается никакому разумному обоснованию, и что мне приходилось продолжать работать, чтобы остановить одержимость, которая росла внутри меня. Они спросили, был ли у меня ещё кто-то, и я рассмеялся им в лицо. Никакой другой не существовало, кроме моей Молли. Я был слеп, пока она не вошла в мою жизнь, и после того дня она стала единственной женщиной, которую я вижу. Мужчины были скептически настроены, но я даже не дернулся. Они могут думать, что хотят, пока ищут её.

Я ловлю себя на мысли, что я убит горем и в то же время злой как черт. Мне так чертовски грустно, что она ушла, и я отдал бы всё, чтобы снова держать её в руках. Но, с другой стороны, я так чертовски рассердился на то, что она оставила меня вот так, и я даже не уверен, смогу ли спокойно смотреть ей в глаза. Я нуждался в ней, а она взяла и ушла.

Я знаю, что последняя часть — ложь, даже когда эта мысль проникает в мой запутанный мозг. Я бы никогда больше не оставил её без присмотра, если бы она ко мне вернулась. Как глупо с моей стороны было находиться столько ночей вдалеке от неё, когда я мог иметь её под собой, когда мы занимались любовью в постели. От этой мысли моё горло сжимается, и я сдерживаю всхлип. Я провёл последний год, пытаюсь разобраться с дерьмом, чтобы мне больше не приходилось снова ходить в другой офис. Я делал всё, что мог, чтобы вернуть нашу жизнь, и это пошло в ущерб нашим отношениям.

Кусочки нашей жизни проигрываются снова и снова в моей голове, и я пытаюсь понять, почему она оставила меня. Отказалась от нас вот так просто. Я знал, что она была несчастна в пентхаусе, но я предпринимал меры, чтобы изменить это. Чтобы оправдать обещания, которые я дал ей, но, возможно, я делал это слишком долго.

Я не думаю, что она была настолько недовольна мной и нашим браком, что решила уйти. Без каких-либо объяснений, просто оставив записку, в которой говорит, что она не может этого сделать. Не преследуй меня. Я так сильно волновался на протяжении этих дней, что стал одержим этим.

Я продолжаю ходить туда-сюда, пытаюсь что-то придумать. Даже после того, как полицейские сообщили, что с ней всё в порядке. Может быть, её похитили и заставили это написать. Возможно, у неё была лихорадка, и она бредила и надумала, что ей нужно уйти.

Оба эти сценария делают мои ладони потными от страха. Но когда я проверил камеры наблюдения, она была одна и не выглядела так, будто находилась под каким-либо давлением. Она быстро вышла из здания, но это было не так, как, если бы она бежала. Затем мы отследили её кредитные карты в банкомате, в котором она сняла большую сумму наличных денег. А затем тишина.

Я всё время думаю, в чём же причина? Возможно, другой мужчина ...

Охваченный этим, я хватаю стеклянный пресс-папье на своём столе и бросаю его через всю комнату, словно мячик для бейсбола. Я слышу, как он ударяется о стену, но игнорирую это. Если бы я трезвым взглядом оглядел комнату, то уверен на сто процентов, нашёл бы её в разрушенном состоянии, но лучше тут, чем в остальной части дома. Я оставил наш дом нетронутым, пока она не вернётся. Потому что она вернётся. По-другому и быть не может.

Где-то вдалеке я слышу, как открываются двери кабинета. Я не проверяю, ушли ли следователи, я просто подхожу к окну и смотрю на дождь. Интересно, не замерзла ли моя Молли, есть ли ей чем укрыться? И снова же в десятитысячный раз, в безопасности ли она? Думаю, я мог бы смириться с чем угодно, пока она в безопасности.

— Мистер Таннер. У нас есть зацепка.

Я тут же поворачиваюсь, замечая самого молодого из трио, Джереми, который входит и протягивает телефон Карлу. Посмотрев на него, он кивает, а затем смотрит на меня. В его глазах есть надежда, но я не собираюсь заикливаться на этом. Я хочу услышать, что он может сказать.

— Мы наблюдали за всеми её известными коллегами, как вы и просили, и похоже, что ваша подруга Синди получила звонок от неизвестного номера. Джереми отследил вызов и записал разговор.

Он кладёт телефон на мой стол и нажимает на кнопку.

Голос Молли заполняет мои уши, и я падаю на колени, сжимая грудь. Впервые за несколько недель мы получили малюсенький клочок информации, и звук ее голоса ошеломляет.

Хочу спросить, смогу ли остановиться у тебя? Затем Молли замолкает. Раздается чей-то крик, и я слышу громкий шум визжащих тормозов. Синди зовёт её по имени в панике, а затем линия обрывается.

Пугающий холодок пробегает по моему позвоночнику, и я в тот же миг встаю на ноги, готовый принять меры. Мне даже не нужно спрашивать, прежде чем Джереми начинает говорить.

— Я отследил её звонок, это одноразовый телефон, но мы смогли определить её местонахождение — побережье Вашингтона. Это примерно в пяти часах езды на юг...

— Я знаю, где это. — Это примерно в двух часах езды от того места, где они выследили её звонок в полицейский участок и её адвокату. К тому времени, как мы приехали туда, она исчезла.

Я проскальзываю мимо мужчин, когда бегу через пентхаус к входной двери, хватая ключи. Меня не волнует, что было на той записи, теперь мне известно, где моя Молли, и вот куда я намерен отправиться.

— Сэр, подождите. Мы с вами, — говорит Карл, когда они следуют за мной.

— Не отставайте, — это всё, что я говорю, когда захожу в лифт и нажимаю кнопку лобби.

Трое мужчин еле поспевают за мной, прежде чем двери закрываются, и я очень нервничаю. Наконец-то у меня есть координаты. Мне просто нужно убедиться, что она в порядке, а потом мне нужно поговорить с ней. Узнать, что случилось. Она в порядке. Она в полном порядке. Она должна быть в порядке.

Когда мы выходим из здания, я сажусь в свой McLaren F1 и хватаюсь за руль. Он был необдуманной покупкой, когда мне было только двадцать, но теперь я чертовски рад. Этот малыш может выдавить двести сорок миль в час. Я планирую добраться до моей Молли всего за два часа вместо пяти.

Когда я миную мост и выезжаю из города, я ударяю по газам. Сильно. Ничто и никто не сможет мне помешать. Мне всё равно, что я должен делать или кого должен убить. Моя жена — только моя. И я приведу её домой, хочет она того или нет.

ГЛАВА 5

Филипп

Я нахожусь в часе езды, и я не думаю, что мои суставы когда-нибудь перестанут болеть от того, как крепко я сжимаю руль. Я сосредоточился на том, чтобы добраться до Молли, так как сейчас не в состоянии думать ни о чём другом. Но пока мили исчезают под шинами машины, мой разум начинает окуна́ться в воспоминания. Я думаю о нашей свадьбе, а затем мои мысли сами собой переносят меня в нашу брачную ночь. Все твердят тебе попробовать и хорошенько запомнить все, что только возможно, в этот день, потому что со временем он стирается из памяти, и всё, что у тебя остаётся — это фото. Чушь собачья. Я буду помнить каждую секунду того дня всю свою оставшуюся жизнь. И мне не нужны сраные фото, чтобы напоминать об этом.

Я стою в фруктовом саду в конце длинного ряда, одетый в костюм и галстук. Здесь витает запах сладких фруктов и весны, но он нисколько не успокаивает меня. Я играю с манжетой своей рубашки, пытаюсь унять дрожь в руках. Я жду, когда Молли пойдёт по

проходу ко мне, и, если я не буду чем-то занимать свои пальцы, то побегу к ней в ту же секунду, как только увижу, и сожму в объятиях. Мне нужно попытаться дышать, чтобы, когда она, наконец, появится, я не стал кричать, как Храброе сердце, и не набросился на нее.

После этой вечности ожидания я вижу её в конце длинной линии из фруктовых деревьев. Белый цвет выделяется на фоне листьев, когда она пробирается по роще к тому месту, где стою я. Мне требуется весь контроль, чтобы не сделать ни единого шага навстречу. Вместо этого я просто смотрю на неё, пока она подходит.

Её волосы спадают нежными волнами по плечам. Одна её прядь убрана назад и заколота кремовым цветком. Молли улыбается мне своими большими возбуждёнными глазами. Я чувствую, что проглотил стон волнения и ошеломляющей любви. Она выглядит так чертовски красиво.

Когда мои глаза опускаются, я вижу, что на ней простое кремовое платье. Н плечах оно держится за счет тоненьких лямок; платье очень длинное и струящееся. Подол украшен небольшим количеством кружева, и я вижу, как при каждом шаге выглядывают пальчики ее ног в синих босоножках, которые она надела. Отец ведет ее под руку, но всё, что я могу видеть — это она. Небольшая толпа расходится, и, когда она почти достигает меня, я больше не могу оставаться на месте.

Сделав три гигантских шага, я подхожу к ней, забирая ее у отца, и подвожу к алтарю. Произносится речь, но я ничего не слышу, только отвечаю, когда мне подсказывают. На протяжении всей церемонии я улыбаюсь своей невесте и шепчу ей, как она красива. С ее щек все это время не сходит румянец смущения из-за того, что за нами все следят, и моих слов, которые я не устаю повторять. Кажется, я сказал об этом уже тысячу раз, но я просто не могу остановиться. Она потрясающе красива, и я люблю её больше всего на свете.

После церемонии я не отпускаю её руку. Люди просят с ней потанцевать, но я отказываю. Это тот самый день, когда я могу быть настолько эгоистичным, насколько хочу, и я не допущу, чтобы она отошла от меня хотя бы на дюйм. Я прижимаю её к себе очень крепко, пока мы покачиваемся в такт музыке в ожидании того момента, когда я смогу увести её отсюда. Я хотел, чтобы она насладилась свадьбой и всеми теми моментами, которые она планировала, но я и так уже достаточно ею поделился.

— Ты готова, любовь моя? — я наклоняюсь и нежно целую обнажённую кожу на её плече. Она наклоняется ко мне, вжимаясь в меня своими мягкими изгибами. Когда я чувствую, что она кивает, я толкаю нас в темный уголок, подальше от вечеринки.

Мы уехали из города сразу после того, как я попросил Молли выйти за меня замуж. Когда она увидела фруктовую ферму, она заставила меня остановиться, чтобы взглянуть на нее. Пожилая пара, которая владела ею, были очень хорошими и позволили нам провести там пикник. К концу дня я убедил их позволить нам провести здесь свадьбу. Дедушка сказал, что это должно быть судьба, потому что он и его жена поженились на этой ферме и отмечали свою пятидесятую годовщину свадьбы в этом году. Это было слишком прекрасно, и я был признателен им за то, что смог дать Молли то, что она хотела.

Наша церемония проходила в амбаре, и у меня была заранее подготовлена машина, чтобы мы могли убраться отсюда, когда она будет готова. После того как мы улизнули, мы направились в дом, который я арендовал на неделю. Я сказал Молли, что увезу её в любую точку мира, в которую она только захочет, но всё, что она сказала, что хочет только меня и как можно больше.

Когда мы добираемся до дома, я приказываю ей сидеть неподвижно, пока буду

доставать сумки из багажника и заносить их по лестнице в домик на пляже. Я быстро справляюсь с работой, убедившись, что всё на месте, прежде чем возвращаюсь на улицу и открываю для неё дверь.

Она улыбается мне, как будто я достал луну с неба, и я тут же клянусь себе сохранить этот взгляд на её лице на всю оставшуюся жизнь. Никто и никогда не смотрел на меня так. Я никогда не думал, что буду в ком-то так нуждаться. Но мне это нравится. Нет, я чертовски люблю это. Она такая чертовски сладкая и невинная. Я хочу сохранить это в своей памяти.

Подняв её на руки, я ногой захлопываю дверь машины и заносу свою невесту в дом. Место освещено приглушённым светом, а кухня забита продуктами, поэтому у нас нет причин выходить куда-то. Я несу её в спальню. Я вижу, что кровать немного сдвинута, а вокруг неё разбросаны лепестки роз. Мягко опустив её на край кровати, я встаю на колени перед ней и просто смотрю на неё.

Она всё ещё в свадебном платье, а на ее лице сияет улыбка. Это её первый раз, и наш первый раз вместе, но она не выглядит нервной. Вместо этого она выглядит сияющей, как будто светится. Она не хотела ждать до брачной ночи, но мне не хотелось ничего такого между нами. Никогда. И если ожидание помогло мне заполучить ее у алтаря, тем лучше. Я нуждался в ней с той минуты, как только встретил.

Она протягивает руку, поглаживая моё лицо, и я не могу остановить стон, который вырывается из меня от этого прикосновения.

— Позволь мне переодеться.

Я неохотно выполняю её просьбу, и мне требуется вся сила воли, чтобы отпустить её.

Молли поднимается с кровати и берёт свою маленькую сумку в ванную, закрывая за собой дверь. Я снимаю свой костюм, нервничая в предвкушении. Я начинаю вышагивать по комнате, потом передумываю и забираюсь на кровать под простыни, чтобы немного успокоиться.

Проходят минуты, которые ощущаются, как часы, и я уже думаю идти в ванную, когда дверь наконец-то открывается.

Она стоит в дверях с приглушённым светом позади неё. Такое чувство, будто она светится. У меня почти случается сердечный приступ, когда она начинает идти ко мне, покачивая своими сексуальными бёдрами с каждым шагом. Я думал, что она наденет что-то более невинное, но это убивающая-на-повал соблазнительница, стоящая в конце кровати, явно не напоминала девственницу, которую я видел ранее. Мой член встаёт по стойке смирно и истекает предсеменем всего за десять секунд.

— Святое дерьмо, — шепчу я.

На ней надето чёрное кружево, которое напоминает прозрачную ленточку. Оно тянется вдоль её шеи, словно топ с открытыми плечами, и сбегает вниз по её груди, едва прикрывая соски, дальше к киске, но не прикрывает эту сладкую вещицу полностью. Нет, оно тянется прямо по центру её клитора, позволяя её обнажённым половым губкам набухнуть по бокам.

Она ползёт по краю кровати, останавливаясь перед тем, как подобраться ко мне, и встаёт на колени. Она широко расставляет ноги, позволяет мне увидеть её в том месте, где лента едва прикрывает её набухший клитор. Я знаю, что она влажная, потому что вижу, что липкая влага покрывает её бёдра.

— Молли, я... — мой язык выскальзывает изо рта, и я не могу сформулировать слова.

Она пробегает руками по своему телу, нисколько не стесняясь того, что выставлена на показ передо мной.

— Я не хочу, чтобы ты был нежен со мной в наш первый раз, Филипп. Я хочу тебя и говорила об этом с самого начала. Теперь я вся твоя, и я хочу, чтобы ты взял меня. Не сдерживайся, — говорит она, заставляя меня задуматься, видит ли она это. Эту сильную потребность в ней, настолько мощную, что я вынужден её скрывать, опасаясь, что это пугает её, потому что правда в том, что это пугает меня самого.

Я сглатываю, а затем киваю головой. Я дам ей то, что она хочет. Как только кровь покинет мой член и вернётся к моему мозгу.

Молли подползает ко мне и хватается за край простыни, отбрасывая её назад и обнажая мой член. Вид моего покрасневшего, напряжённого члена заставляет её облизать свои губы, и я, признаюсь вам, немного шокирован. Я всегда был нападающей стороной, но она права. Сегодня я был готов к нежной любви. Я хотел быть нежным в её первый раз и относиться к ней, как к драгоценному цветку. Но она не желает этого. Я вижу голод в её глазах, дающий надежду, что, возможно, однажды она будет нуждаться во мне так же сильно, как и я в ней.

Опираясь на спинку кровати, я широко расставляю ноги. Если это то, чего она хочет, я дам ей это. Я хочу, чтобы моя Молли сходила с ума по мне так же, как я по ней.

— Иди и получи это, жёнушка.

Когда я опустил немного вниз, я несколько раз погладил свой твёрдый член, показывая ей, что она делала со мной с того самого момента, как я увидел её — когда моё тело ожило, что было впервые в моей жизни — и я вижу, как её глаза расширяются в полном восторге. Мы думаем одинаково. Хотя она и девственница, и у неё нет опыта, кроме того, что было между нами, но она знает, чего хочет. Она не стесняется своего тела. Ей не стыдно говорить мне, чего она хочет, и я чертовски уважаю её за это.

— У нас есть годы, чтобы заниматься любовью, Филипп, — говорит она, проскальзывая между моих ног. — Прямо сейчас я не хочу прелюдии. Я слишком долго тебя ждала. — Я слышу потребность в её голосе.

Она хватается кружевную ленточку, размещённую посередине её животика, и делает один сильный рывок. Материал распускается, и я стону, выпуская ещё больше предсемени. Оно стекает по моему члену, когда я делаю ещё несколько поглаживаний.

Она седлает мои ноги. Я прекращаю гладить свой член и хватаю её за бёдра, помогая ей взобраться на меня. Я сжимаю зубы при виде её, обнажённой и готовой принять мой член в себя. Её рука тянется между нами, и она направляет меня к своей киске. Я шиплю сквозь зубы, когда моя головка прикасается к ней.

— Филипп, — я отвожу глаза от того места, где она удерживала меня у её входа, к её мягким зелёным глазам. Она улыбается мне, и это выглядит так, словно мы делимся чем-то сокровенным друг с другом. Я улыбаюсь, а она быстро опускается на мой член.

Мой стон получается громким, в то время как она издаёт еле слышный писк боли. Я прижимаю её к себе, поскольку мы оба испытываем новое ощущение — она приняла мой член внутрь себя, и её великолепная киска сжимает его. Мне требуется больше времени, чем ей, чтобы прийти в себя. Затем она начинает понемногу двигаться, но я хватаю её за бёдра и останавливаю, пытаюсь себя контролировать.

После того как я убеждаюсь, что достаточно контролирую себя, чтобы не кончить от одного её движения, и я киваю.

— Двигайся медленно, — говорю я строго. В ответ она только одаривает меня озорной улыбкой, и я понимаю, что конкретно попал.

Она скользит по всей длине моего члена, медленно двигаясь вверх и вниз, как будто

знакомиться с ним. Она изучила каждый его дюйм, пока я громко стонал от каждого движения. Чёрт, я так долго не продержусь.

Когда я хватаю её за гладкие бёдра, её груди оказываются прямо перед моим лицом. Я немного наклоняюсь вперёд, когда мягкая плоть начинает тереться об меня с каждым движением. Она везде такая мягкая, и я больше не могу сдерживаться. Она же хотела всего меня, и сейчас я собираюсь отдаться ей целиком и полностью.

Немного подвинувшись, я жёстко вхожу в неё. Она хватается за спинку кровати, и громкий стон проносится по всей комнате, когда она выгибается назад. Лепестки роз липнут к нам обоим, но мне всё равно.

— Ты принимаешь меня так чертовски хорошо, детка, — она ещё раз чертыхается, ей нравится моя грязная речь. — Чёрт побери, ты девственница, но ты хочешь, чтобы это было грубо. Спасибо Господу, что ты моя жена. Вся, полностью моя.

Её ноги упираются в мои бёдра, и она сжимает меня. В нашем занятии любовью нет ни капли нерешительности. Да, мы занимаемся любовью. Это может быть жестко и грубо, но между нами очень много любви.

Я беру её так, как она этого хочет. Её ногти впиваются в мои плечи и спину. Наша страсть копилась слишком долго.

Я дрожил, думая об этом моменте столько раз, но это и близко не стояло с тем, что сейчас происходит.

Опуская руку между нами, я нажимаю на её клитор и говорю ей, что ей нужно делать.

— Кончи на меня, моя любовь. Дай своему мужу свой вишнёвый оргазм. Он мой. Он принадлежит мне.

Она сжимается вокруг меня и, как хорошая девочка, кончает на мой член. Это так прекрасно — наблюдать за ней, пока я внутри неё. Румянец, который появляется на её коже, когда она окунается в удовольствие, толкает меня через край. Я вонзаюсь глубоко в неё, не сдерживаясь. Она слишком совершенна, и она вся моя.

Я моргаю несколько раз, поправляя свою эрекцию, гоня прочь мысль о нашей брачной ночи. Мы провели неделю в том доме и ни разу не увидели воду. Мне было ненавистно покидать тот дом. Словно наш пузырь счастья был разрушен. После той недели я понимал, что в моей жизни уже ничего не будет как прежде. Я не мог находиться вдали от неё, после того как завладел ею всеми немыслимыми способами.

Ударив кулаком по рулю, я начинаю винить себя в этом. Я должен был действовать раньше. Меньше волноваться о стабильности компании и послать всё к чёрту до того, как всё вылилось вот в это. Она заслуживала большего. Она заслуживала всего меня. Теперь, когда я собираюсь вернуть её, она получит это. Я сделаю всё правильно. Как только я перекину её через колено и заставлю подумать об её уходе. Вся эта потребность, которую я долгое время сдерживал, скоро выйдет наружу.

ГЛАВА 6

Молли

Боль проходит через затылок, когда я пытаюсь открыть глаза, но они, похоже, не собираются меня слушаться, как бы я не старалась.

— Ребенок, — пытаюсь прошептать я, не зная, сможет ли кто-то поблизости разобрать,

что я говорю в этой суматохе. Звук сирен заставляет мою голову болеть ещё сильнее.

— Мэм, с вами всё будет в порядке. Просто старайтесь не двигаться, — слышу, как кто-то говорит. Звук настолько далек от меня, но я чувствую дыхание возле своего уха, словно кто-то наклоняется, чтобы поговорить со мной.

— Ребёнок, — снова пытаюсь сказать я, всё ещё не осознавая, что слова слетают с моих губ. Я пытаюсь поднять руку, чтобы положить её на свой живот.

— Мэм, пожалуйста, постарайтесь не двигаться, — снова повторяет мужчина. Его тон мягкий, но серьезный.

Я пытаюсь, но, похоже, это не работает.

— Грузовик выскочил из ниоткуда, и я просто схватил её, чтобы оттащить с дороги. Я не думал, что мы так сильно ударимся, падая на землю, — слышу я другого человека. — С ней всё будет в порядке?

— Сэр, просто отойдите назад.

Голоса начинают сливаться вместе, и я снова пытаюсь открыть глаза, но всё кажется таким размытым. Голоса и шум звучат как будто вдалеке, пока чернота окутывает меня.

— Это моя жена!

Этот рёв проникает сквозь темноту, возвращая меня в сознание.

— Возможно это и так, сэр, но вы тоже меня поймите ...

— Если ты хочешь сохранить свою работу, тебе лучше не заканчивать это предложение, доктор. Не думай, что я не смогу купить эту больничку и всё остальное, чтобы вышвырнуть твою задницу.

— Филипп, успокойся. Это не поможет, — слышится суровый женский голос. Её голос очень приятно звучит, так же хорошо, как и мужской ... Филипп. Мысль о его имени проносится теплом по телу, и я ощущаю, как снова начинаю погружаться в темноту.

— Боже, я буду делать это каждый день всю оставшуюся жизнь, — мужчина наклоняется, мягко целуя мои губы. Его поцелуи неторопливые и нежные, словно для этого у него есть все время мира. Он отстраняется, и его синие глаза смотрят в мои. Его тёмные волосы выглядят так, словно он проводил по ним руками, а возможно, это сделала я. — Всё ещё не верится, что мы женаты, — он пододвигается немного ближе, его голые ноги переплетаются с моими.

Его рука прикасается к моему лицу, и я трусь об неё, пока его большой палец прослеживает линию моих губ. Я чувствую, как его вторая рука перемещается под одеялом, приближаясь к животу.

— Я не позволю тебе покинуть эту кровать все выходные. Я буду наслаждаться каждой секундой своей новоиспечённой жены. — Он снова завладевает моим ртом, и на этот раз я переплетаю свой язык с его. Нет, я тоже не хочу покидать эту кровать.

В этом мужчине, который называет меня своей женой, есть что-то знакомое. Он заставляет меня чувствовать себя в безопасности, прогоняя тьму и заполняя её собой. Я крепче обнимаю его, желая, чтобы он был ближе. Нуждаясь почувствовать его напротив меня. Мне одиноко.

Он может это исправить, шепчет голос в моей голове.

Он отстраняется и начинает целовать мою шею. Такое чувство, что его рот повсюду, не оставляя ни одну часть меня без внимания, пока бродит по моему телу, останавливаясь у моего пупка и облизывая его. Я чувствую, как улыбаюсь ему, и его глаза находят мои.

На его щеке появляется ямочка, и он даже не пытается скрыть это выражение похоти на

его лице. От этого вида у меня начинается всё трепетать в животе.

— Ты же знаешь, — его большие руки накрывают мои бёдра, крепко сжимая их и удерживая меня на месте. Не то чтобы я собиралась попытаться уйти от этого мужчины. Он продолжает называть меня своей женой, и я не возражаю. Это ощущается так приятно. Он здесь, избавляет меня от темноты. Возвращает меня к жизни. — Возможно, я уже зачал в тебе ребёнка. Я потерял счёт, сколько раз кончал внутри тебя.

Ребёнок.

Это слово заставляет сердце биться быстрее, а глаза открыться.

В комнате темно, когда я пытаюсь поднести руку к своему животу, но резко замираю, понимая, что на мне лежит чужая рука. Я смотрю вниз и замечаю копну чёрных волос рядом с нашими переплетёнными руками. Это мужчина из моих снов. Он кажется еще более крупным в этом кресле, которое он пододвинул к больничной койке.

Я ничего не помню. Мне просто нужно узнать, всё ли в порядке с моим ребенком.

Он выглядит уставшим. Его волосы в полном беспорядке, как и в моем сне, и даже его лицо выглядит истощённым, пока он спит. Тёмные круги под глазами. Я решаю оглядеть комнату. Так, я в больнице, но палата больше похожа на роскошный гостиничный номер. Я бы так и подумала, если бы не мониторы, которые пищат рядом со мной.

Мои глаза задерживаются на одном из них, и я чувствую, как в горле образуется ком. Это сердцебиение ребёнка. Я наблюдаю, как зелёные линии поднимаются и опускаются, и всё это фиксируется на бумаге, которая выходит из этого медицинского прибора. Неожиданно я почувствовала, как слезы потекли по моим щекам. Ребёнок в порядке.

Я возвращаю взгляд к мужчине, держащему меня за руку. Тому, кто появлялся в моих снах, казалось, целую вечность. Возможно, это и есть вечность, потому что воспоминания — это всё, что у меня осталось. И малыш. Словно по сигналу я ощущаю толчок в своём животе, из-за чего слёзы текут ещё сильнее.

Я кладу руку на то место, где почувствовала толчок, желая снова ощутить это, но ничего не происходит. Потирая свой животик, я пытаюсь вспомнить. Какой у меня срок, четыре или пять месяцев? Толчок замечен даже под одеялом.

Я снова смотрю на мужчину, который всё ещё держит меня мёртвой хваткой, и медленно выскользываю из его захвата. Я глажу его по волосам, пробегая по ним пальцами. Словно уже тысячу раз делала это. Шелковистые пряди скользят между моих пальцев.

— Молли, — бормочет он, мягкая улыбка появляется на его губах, и это заставляет меня задаться вопросом — я ли, та самая Молли? Он ли тот мужчина из моих снов. Он ли мой любящий муж. Это всё, что, как я помню, видела: совершенного мужчину, который наполняет мой мир и прогоняет чувство одиночества.

Внезапно он подпрыгивает, заставляя меня врасплох. Его стул падает назад, ударившись об пол с громким звуком.

— Молли, — его голос пропитан болью. Я не могу прочитать выражение его лица, когда он нависает надо мной. Иисус, этот мужчина просто огромен. Похоже, он становится всё больше и больше.

Его рука нажимает на кнопку рядом с кроватью, затем он снова оказывается надо мной. Его большие руки накрывают моё лицо, когда его губы сталкиваются с моими, сминая их в нежном, но крепком поцелуе. Он просто целует меня. Удерживая моё лицо, когда его губы сильнее в меня впиваются, как будто он думает, что я могу исчезнуть.

Он не отстраняется, когда я слышу, как кто-то входит в комнату.

— Хорошо, вижу, вы очнулись.

Он отступает назад, положив свою руку на мою, затем отходит, уступая место женщине в фиолетовом больничном халате.

— Как вы себя чувствуете? — спрашивает она, когда начинает просматривать мониторы, нажимая при этом несколько кнопок.

— Сонной, — мой голос звучит не так, как я надеялась, и я пытаюсь снова. Во второй раз получается лучше. Мужчина рядом со мной хватается меня за руку, будто не может прекратить ко мне прикасаться. Женщина улыбается и качает головой.

— Как ваша голова? Вы очень сильно ударились, — она приближается, заставляя меня немного приподняться для осмотра. — Вы получили сотрясение мозга, но я думаю, всё будет хорошо. Вы были без сознания чуть больше двенадцати часов.

— С ней точно всё будет хорошо? — прерывает мужчину, его нетерпение понятно. Он на грани, и я слышу это в его голосе.

Женщина изучает меня секунду, прежде чем достаёт фонарик с нагрудного кармана. Я смотрю на её бейдж. Доктор Джози Диксон.

Она начинает светить мне в глаза. — Зрачки реагируют нормально. Она просто сбита с толку. Некоторым людям требуется немного больше времени, чтобы прийти в сознание. Я думаю, на неё повлияло истощение. — Она прячет фонарик. — Молли, вы помните, что случилось с вами сегодня?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я отрицательно качаю головой, пытаюсь вспомнить, крепче сжав руку мужчины. Ощущение безопасности рядом с ним заставляет почувствовать меня ещё лучше.

— Вы знаете, где вы находитесь?

— В больнице, — отвечаю я.

— В каком городе?

Я смотрю на неё, пытаюсь вспомнить. Я перевожу взгляд на мужчину, словно он даст мне ответ, но он просто изучает меня, а его лицо и челюсть напряжены.

— Штат? — снова задает вопрос она.

Я просто качаю головой, не в состоянии уловить связь.

— Как насчёт этого мужчины? Вы знаете, кто он?

— Он мой муж, — я улыбаюсь ему, но он не возвращает мне улыбку. Он всё ещё смотрит на меня.

— Его имя, Молли. Вы помните его?

— Нет, — шепчу я, отворачиваясь, чтобы посмотреть на доктора, не желая смотреть ему в лицо. Какой толк притворяться, если он все равно узнает, что я не помню его. Просто мужчина из снов. Я хочу ещё их увидеть. Те, в которых мы были вместе в постели.

— Утром мы проведём несколько тестов, но я уверена, что всё в порядке. У тебя было удачное падение. Память со временем вернётся к тебе, — говорит она с полной уверенностью.

— Ты проведёшь их сегодня же, — голос мужчины настолько строг, что моя голова резко дергается, чтобы посмотреть на него, когда он взглядом мечет кинжалы в бедную докторшу.

Я сжимаю его руку, заставляя его посмотреть на меня сверху вниз, и его лицо меняется — оно смягчается.

— Ребенок, — мне не хочется сейчас делать какие-либо тесты. Я просто хочу поспать,

даже после того, как проспала двенадцать часов. Но, если это нужно ради ребенка, я готова.

— Он отлично себя чувствует.

— Он? — я убираю руку из-под руки мужа и подношу её к животу, желая снова ощутить его толчки.

— Это маленький мальчик. У вас срок четыре с половиной месяца. На самом деле, он немного крупноват. Мне будут нужны записи от врача, у которого ты консультировалась, чтобы кое-что проверить.

Я не знаю, кто мой доктор. Я даже не знаю, где я. Я смотрю на своего мужа.

— Ты сможешь всё это достать? — спрашиваю я, зная, что он это сделает.

— Я разберусь с этим, — отвечает он уверенно, и я не могу не почувствовать холод в его словах, что меня немного насторожило.

— Отлично. Почему бы тебе не отдохнуть, а я вернусь утром? — на этом доктор уходит.

— Я, ах... — мне вдруг становится неловко. — Я не знаю твоего имени, — наконец выпаливаю я и смотрю на него сквозь ресницы.

Он поднимает стул, который уронил до этого, поправляет его и садится рядом со мной. Наклонившись, он снова берёт меня за руку и подносит к губам. Этот милый жест заставляет меня улыбнуться. Я не могу мыслить ясно рядом с ним. Он словно заполняет всё пространство, но, возможно, мне это только кажется. Сейчас я не в состоянии ясно мыслить.

— Филипп, — отвечает он, прижимаясь губами к моей руке. И на секунду я чувствую, как его язык скользит по моей руке, словно он дегустирует меня, но это ощущение исчезает прежде, чем я успеваю это осознать.

— Филипп, — повторяю я его имя, откинувшись на кровать, и мои глаза начинают закрываться. — Пожалуйста, только не оставляй меня. Без тебя так одиноко, — бормочу я, когда проваливаюсь в сон, ощущая, как его вторая рука ложится на мой живот.

— Мы больше никогда не расстанемся, — отвечает он мрачным голосом, когда я полностью отключаюсь.

ГЛАВА 7

Филипп

Я запускаю руку под одеяло, а затем под её больничный халатик, и накрываю своей ладонью её животик, в котором уже пинается малыш. Я закрываю глаза и делаю глубокий вдох, пытаюсь убедить себя, что всё в порядке.

Когда я был в тридцати минутах езды от места, откуда Молли связывалась с Синди, мне позвонили и сообщили, что она в больнице. Из того, что я услышал по телефону, до того, как линия оборвалась, я понял, что случилось что-то серьезное. Но я пытался не думать об этом, отказывался верить, что с ней что-то произошло, когда я, наконец-то, нашёл её после всех этих месяцев поисков.

Она собиралась вернуться в город. Возможно, и не к нам домой, а к Сидни, и она прекрасно осознавала, что не ступит и шагу в Нью-Йорке без моего ведома, ведь я сразу узнаю об этом. Я помчался бы к ней в ту же секунду.

Дальше — все как в тумане. Когда я влетел в больницу, требуя, чтобы меня пустили к ней, они пытались удержать ее подальше от меня. Им повезло, что она находилась в больнице, иначе я бы к черту сжег здесь всё дотла, чтобы доказать серьезность своих намерений.

Потребовалось не много времени, чтобы они поняли, в чём дело, и поменяли свое отношение. Я не люблю воздействовать на людей властью и деньгами, но в этом случае я просто не мог не воспользоваться этим. Не было ни одной гребаной вещи, которую я бы не сделал, чтобы добраться до нее.

Потом, когда они сказали мне, что с ней все будет в порядке, я почувствовал, будто камень с души свалился. Я вытерпел достаточно и потратил все силы, так что мне нужен перерыв. Затем он снова бросил бомбу: «И, что касается ребёнка», — сказал врач. Назойливый шум в моих ушах был настолько громким, что я уже не слышал, о чём он говорил дальше. Я должен был попросить повторить его это снова.

Если бы я не сидел, то уверен, что свалился бы на пол. Ребёнок. Это слово продолжает вертеться в моём сознании. Если что-то случится с нашим ребёнком, это уничтожит Молли. Это то, в чём я могу быть точно уверенным.

Я потираю выпуклость, чувствуя её ровное дыхание.

Я до сих пор помню тот день, когда Молли сказала мне, что ей нужна семья. Сначала я просто хотел её. Но мысль о том, что она будет беременна моим ребенком, заставила слова сорваться с моего языка. Я ответил, что тоже хочу ребёнка. Изначально я хотел привязать её к себе любыми способами. Если бы у нас был малыш, я бы всегда присутствовал в её жизни. Я был бы привязан к ней навсегда. Чем больше она говорила об этом, представляла или мечтала, тем сильнее мне хотелось этого. Больше, чем что-либо. Это стало ещё одним способом пробуждения меня к жизни.

Я должен был быть с ней. Каждый вечер ложиться в постель, обнимая её маленький круглый животик и чувствовать, как он растёт каждый день. Мы оба этого хотели, и то, что она сделала, не имеет никакого смысла. Я не знаю, почему она сбежала, и вот, встретившись с ней теперь, всё равно не могу этого узнать. Она ничего не помнит.

Это слишком больно. Она смотрела на меня с такой большой любовью, когда проснулась. Как будто я снова был её миром. Такое беспредельное доверие читалось в её взгляде, пока она ждала, когда я отвечу на её вопросы. Но у меня не было ответов. Я не знал, где она жила, с кем, или даже как сводила концы с концами.

Поднимаясь со стула, я вытаскиваю руку из-под одеяла, затем наклоняюсь и целую её живот.

— Не переживай, сыночек. Я не позволю твоей маме никуда убежать, — шепчу ему. Даже не знаю, это обещание или предупреждение для Молли.

— Я никуда её больше не отпущу. Она вернётся в мой дом и в мою кровать, хочет она того или нет. Ей крупно повезёт, если я не привяжу её к себе. Мне должно быть стыдно за эти мысли, но я не чувствую никакой вины. Ни капельки. Она сломала меня, и весь тот контроль, все усилия, которые я прикладывал, чтобы не задушить ее, уничтожены. Всё разбито на миллион осколков, и нет никакого способа вернуть это обратно.

Затем я беру её за подбородок и поворачиваю голову в свою сторону. Она даже не шевельнулась. Её полные губы немного приоткрыты, и я не могу остановить себя от небольшого поцелуя. Её рот приоткрывается ещё шире, и я запускаю свой язык внутрь, тем самым немного ослабляя напряжение в моем теле.

Когда я отстраняюсь, то слышу, как она бормочет: «Люблю тебя», таким же голосом, который она использовала, когда я приходил после рабочего дня домой и занимался с ней любовью до потери пульса. Это заставляет мое сердце сжиматься от желания. Я хочу заставить её сказать это снова. Снова и снова, потому что я так соскучился по этому.

Я неохотно поднимаюсь с кровати и выхожу из палаты, чтобы сделать звонок, которого я до чёртиков боялся. Это реальность, с которой мне придётся столкнуться, тем более, что Молли ничего не помнит.

Я насчитываю тридцать пропущенных звонков на своём телефоне и уже собираюсь набрать следователя, Карла, но замираю, когда услышу, как кто-то прочищает горло. Я оборачиваюсь и вижу его, прислонившегося к стене в коридоре. Он выпрямляется, но я поднимаю руку, чтобы увести его отсюда. Я хочу быть подальше от палаты Молли. Не хочу, чтобы она услышала разговор.

— Чего тебе?

— То, что я раздобыл — это просто находка. В сумочке твоей жены не было ничего из того, что могло бы подсказать, где она остановилась. Только связка ключей от непонятно чего.

Я просто смотрю на него, ожидая, пока он дойдет до главной части.

— Когда ты добрался до места происхождения, возле неё крутился какой-то человек.

Рык вырывается из моей груди, и я чувствую, что уже делаю шаг в сторону Карла, словно он был тем человеком, о котором идёт речь. Он поднимает руку, пытаюсь меня успокоить. Карл — здоровый мужик, бывший морской пехотинец, но не больше меня. Мужчины нередко уступают моим параметрам.

— Это был пожилой мужчина, — отвечает он. Словно, блядь, я знаю, сколько ему может быть лет. — Старый, женатый человек. Успокойся. Ты не о том думаешь.

Я чувствую, что небольшое напряжение покидает моё тело, и я глубоко вздыхаю, наклонив голову и опустив взгляд в пол, пытаюсь успокоиться. Не помогает.

— Нет никакого другого мужчины. В действительности, там был только ты.

Это заставляет меня резко поднять голову.

— Старик кое-что рассказал. Казалось, он знал — кто ты и кто она. Еще он сказал, что ему было интересно, когда ты придёшь за ней.

Чёрт. И, что это может значить.

— Ну, он показал, где она жила. Небольшая студия над типографией. Негде развернуться, если честно. Ты даже не представляешь, какая там высокая арендная плата. Скорее всего, она платила теми деньгами, которые сняла с карточки. Если только она не продавала свои работы или что-то еще, хотя не думаю. Квартира полностью заставлена картинами. Из других вещей были только парочка детских книг, немного одежды и кровать. Даже холодильник был почти пустым.

Его слова не объясняют ту путаницу и не дают никаких ответов.

— Почему ты говоришь, что я там был? — спрашиваю. Это даёт мне искру надежды на то, что, возможно, будет не так сложно, как я думал, вернуть свою жену, собрать по кусочкам события последних месяцев.

— Потому что ты был на всех её картинах. Похоже, она не переставала тебя рисовать.

Я опираюсь рукой о стену, чтобы не упасть. Она рисовала меня? Молли не рисовала с тех пор, как переехала в квартиру после того, как мы поженились. Я очень скучал по этому.

Я помню, как заехал за ней, чтобы прогуляться, но всё закончилось сеансом обжиманий машине, как будто мы были школьниками. Я обнаружил несколько пятен краски на её теле. Не знаю, почему, но каждый раз, когда я находил такие пятна, меня это чертовски заводило. И я любил их искать.

Затем она ушла, сообщив, что будет ждать, пока мы не переберёмся на новое место и не

создадим студию мечты. Этого так и не произошло. Чёрт.

— Перевезите их все в Нью-Йорк. Я хочу, чтобы вы расставили их в квартире, словно всё так и было. Все. Заберите все.

Он просто таращится на меня.

— Она ничего не помнит. Всё, что она знает, это то, что мы устроили небольшое путешествие на пару дней. Она упала и ударилась головой. Теперь мы отправляемся домой, где она провела эти чёртовы четыре месяца. — Кричу я последнюю часть. Как будто если я скажу это достаточно резко и громко, это окажется правдой. Будто она никуда и не уходила.

— Хорошо, сэр.

— Разберись со всем этим. Делай то, что должен. Заплати, сколько нужно. Мне пофиг.

Он напряжённо кивает. — Всё будет сделано.

— Ты нашёл доктора, у которого она стояла на учёте?

Карл тянется в свой передний карман костюма и достаёт несколько сложенных бумаг. Я забираю их и засовываю в свой задний карман брюк. Я первым делом найду ей доктора в городе. Запишу её туда. Потяну за нужные ниточки, чтобы было похоже, будто у этого доктора она все это время наблюдалась. Это подло и низко, но опять-таки, мне пофиг. Я сдерживал себя слишком долго, и это не сработало. Теперь я собираюсь взять то, что принадлежит мне.

— Что-нибудь ещё, сэр? — спрашивает он.

Мне не нужно оправдывать себя, но всё же я это делаю. — Если бы твоя жена решила уйти от тебя, как бы ты поступил, чтобы удержать её?

Улыбка озаряет его лицо, когда он понимает, о чём я. — Было бы чертовски забавно с ее стороны думать, что она может уйти.

— Точно. Увидимся в городе.

Карл разворачивается и уходит, и я знаю, что всё улажено. Самой сложной частью всего этого будет Синди, но я заставлю её понять меня.

Я должен заставить Молли влюбиться в меня, чтобы, когда она, наконец, вспомнит, почему ушла от меня, то не смогла бы снова убежать. Я должен сопротивляться гневу, который накрывает меня, потому что я всё ещё чувствую, что она снова захочет оставить меня.

Я возвращаюсь в комнату и сажусь на стул, чтобы посмотреть на неё. Я просовываю руку под одеяло и её халатик и кладу руку на живот, желая снова почувствовать ребёнка.

Мы пытались зачать ребёнка с самого начала. Я больше чем пытался. Каждый раз, когда я кончал в неё, разные мысли начинали лезть в голову. Каждую ночь я ложился в нашу постель, и они не давали мне покоя. Я знал, что полностью принадлежу ей. С того первого момента, как я увидел её, моей единственной целью было овладеть ею, и меня бы никто не сумел остановить. Мы с её отцом только начинали развивать общее дело, и она свела меня с ума. Дала мне повод постоянно быть поблизости. Заработать свое место в ее жизни, насколько это было возможно. И я сделал это.

Брак не утолил эту потребность. Ребёнок свяжет нас вместе навсегда, и я очень этого хочу. Она — тот прекрасный, милый ангел, который зажигает мою жизнь. Я не понимал, какой темной до этого была моя жизнь, и я боялся, что кто-то отнимет её у меня. Попытаюсь отдалить нас друг от друга.

Знала ли она, когда убежала, что беременна? Было ли это одной из причин бегства? Она скрыла бы это от меня? Я пытаюсь не думать об этом. Нет, она собиралась вернуться, когда

позвонила Сидни. И её возвращение не осталось бы для меня незамеченным.

Я так же знал, что она бы так не поступила. Не моя Молли. Она так хотела семью. Ей не доставало этой семьи, и она желала создать что-то большее, и я планировал подарить ей это. Я тоже захотел этого, как только она дала мне понять, как бы это было. Я хотел семью с ней, ни с кем другим.

Этот план должен сработать. Другого выхода нет.

ГЛАВА 8

Молли

Филипп вытаскивает меня из машины, с лёгкостью прижимая к своей груди.

— Думаю, я могу передвигаться самостоятельно. Я немного делала это в больнице, — дразню его я. Он был всё время около меня, с тех пор, как я очнулась в больнице три дня назад. Такое чувство, что, если бы он отвёл от меня взгляд, я бы могла взять и исчезнуть.

Но я могу только представить себе, как он, должно быть, испугался, думая, что потерял меня и нашего, ещё не родившегося, малыша. Он сказал, что я вышла из магазина, который мы посещали во время нашего маленького отпуска, и меня чуть не сбил грузовик. Какой-то мужчина в последний момент оттолкнул меня, и я сильно ударилась головой о бордюр.

Я всё ещё ничего не помню. Как будто в моей памяти была огромная дыра. Но после тестов врачи сказали, что всё нормально, и они верят, что память ко мне вернётся. Я немного волновалась, но рядом с Филиппом я чувствую, что всё будет хорошо. Я должна бояться и даже переживать, но всё, что я ощущаю — это счастье.

Я счастлива здесь, с этим человеком, который думает, что я его вселенная, как и наш драгоценный ребенок, с которым он любит поговорить.

— Скорее не хочу рисковать. Кроме того, я люблю носить тебя на руках. — Я обнимаю его за шею, прислонив к нему голову, пока он идёт по подземному гаражу, напрямик к лифту.

— Задний карман, — говорит он мне. Я опускаю одну из своих рук в его джинсы и достаю кошелёк. — Серебряная карточка.

Я открываю кошелёк и первое, что замечаю — это фотография, на которой я стою в свадебном платье, окружённая фруктовыми деревьями.

— А где ты на этом фото? — спрашиваю я, вытаскивая серебряную карточку и вставляя её в специальный слот в лифте. Дверь тут же открывается.

— Ещё раз, — он кивает в другой ключевой слот. Я снова вставляю карточку.

— Я не помню, — я смотрю на него, не зная, какой этаж стоит нажать.

— Самый верхний.

— Ох.

— Этот пентхаус и шикарный автомобиль — о, и давай не будем забывать об этом, — я тереблю гигантское кольцо на пальце. Во второй раз, когда я проснулась, я заметила его. Это было нетрудно. — Я начинаю думать, что ты реально богат, — поддразниваю я его.

— Мы богаты, — поправляет он, заставляя меня улыбнуться. Везде, всегда — мы. Он поправляет меня каждый раз. Возможно, это всё из-за моей амнезии.

— Они меня удерживали.

— Хм? — говорю я, глядя на него, и он кивает на кошелёк, который всё ещё в моей

руке. Я забираю карточку обратно и возвращаюсь к фото. На снимке — мои светлые волосы блестят под солнечным светом, пряди — цвета мёда и карамели, мягко взъерошенные ветром. На нем я выгляжу очень хорошо, но прямо сейчас я похожа на чертов беспорядок. Мой муж, между тем, всегда выглядит как совершенство, за исключением тех случаев, когда я вижу, как волнение вспыхивает на его лице.

— Ты отправилась сделать фото в своём платье в персиковой роще перед церемонией. Я попытался спуститься и заставить тебя вернуться.

Я смеюсь. — Почему? — Я озадаченно смотрю на него.

— Фото заняло слишком много времени, а мне хотелось поскорей жениться, — ворчит он, как будто всё ещё раздражён этой идеей. Это заставило меня улыбнуться.

— Как долго мы встречались, перед тем как поженились?

— Три месяца.

Теперь мне действительно смешно. — Ты говоришь так, словно это было вечностью, — всё моё тело трясётся, и хмурый взгляд, который был на его лице, мгновенно растворяется в улыбке, от которой на его щеках появляется ямочка. Я наклоняюсь и целую её, и чувствую, как тут же застывает его тело.

— Эта твоя ямочка, ты всегда так говорила. Только ты можешь заставить её появиться.

— Возможно, я вспоминаю. Я увидела её и просто должна была поцеловать.

— Ты всегда так делала, — его улыбка исчезает, и на его лице появляется выражение, которое я не могу прочесть. Я ловила его несколько раз. В такие моменты я действительно ненавижу то, что не могу ничего вспомнить. Знакомо ли мне это выражение?

— Делаю, — поправляю я. — Я всегда её целую, — потому что я так и буду делать. Я хочу, чтобы она появилась снова, и я смогла снова поцеловать её.

— Это было вечностью. Три месяца ожидания.

Лифт останавливается, и Филипп выходит, всё ещё держа меня на руках. Он направляется вниз по длинному коридору и проходит через открытые двойные двери. В центре комнаты стоит гигантская кровать, и Филипп кладёт меня на неё. Он начинает раздевать меня.

— Я не хотел ждать ни секунды, после того как впервые увидел тебя. Поэтому три месяца казались вечностью, — отвечает он, снимая с меня сандалии, а затем переходит на мешковатые пижамные штаны, которые сейчас на мне. Моя рубашка немного приподнимается, и он замирает, его взгляд опускается к округлившемуся животу. Я не могу перестать прикасаться к нему.

Он наклоняется, целует его, затем его поцелуи опускаются все ниже.

— Филипп, — выдыхаю я единственное слово, когда чувствую его рот на моём клиторе через ткань простых белых трусиков. Я позволяю своим ногам раскрыться шире. Это ощущается так естественно, когда я позволяю своему огромному мужу занять место между моих бёдер. Его рука поднимается, убирая ткань, обнажая меня полностью.

— Я должен дать тебе отдохнуть, приготовить что-нибудь поесть, но я ...

— Да, — вырывается из меня стон. Эта потребность заставляет его голос звучать так, словно он не может ждать ни минуты, не попробовав меня, или он может умереть. Его рот опускается на меня, голодный и жестокий. Здесь нет места нежности или терпению. Он накрывает мой клитор, посасывая его своим ртом. Я мгновенно кончаю, словно моё тело находилось на грани в течение нескольких месяцев, и это делает Филиппа ещё более диким, заставляя его ускориться.

— Мне нужен ещё один. Дай мне его. Он мой, — рычит он, прежде чем возвращается к моему клитору, впитывая каждую каплю моего первого оргазма, полностью поглощая меня. Я даю ему еще один оргазм, и он такой интенсивный, что я вынуждена закрыть глаза, пока толкаюсь ему в лицо.

Когда я, наконец, открываю глаза, я понимаю, что меня переместили в центр кровати.

— Спи. Я приготовлю что-нибудь поесть, — он целует меня, и я чувствую свой вкус на его губах, но затем он слишком быстро отстраняется. Я хочу большего. Я хочу, чтобы его тело было на мне, но он уже находится у выхода из спальни, и я остаюсь одна в постели. В поле моего зрения попадает что-то знакомое.

ГЛАВА 9

Молли

Я запищала, когда меня кто-то схватил, повернул и мягко подтолкнул к стене, за которой находилась наша ванная комната. Большое тело Филиппа держало меня, словно в клетке. Утренний свет заливает голые белые стены спальни, а лицо моего мужа освещено золотым свечением. Он выглядел таким дикарём, его волосы были в полном беспорядке. Вероятно, виной тому моя рука, которая недавно в них побывала. Я проснулась с ним, полностью обёрнутым вокруг меня, словно второй кожей, одна его рука в защитном жесте оберегала мой живот, а другая покоилась на моей киске, и его лицо было зарыто в моей шее.

Последнее, что я вспомнила — это его рот на моей киске, а затем я отключилась. У меня было смутное воспоминание о том, что он собирался приготовить мне поесть, но я, должно быть, проспала весь день и ночь, и проснулась только сейчас, из-за того что я безумно хотела в туалет. Ребёнок уж больно сильно давил на мой мочевой пузырь, но, возможно, причина была и в том, что я проспала целых двенадцать часов.

Но от чего у меня реально перехватило дыхание — это от дикости в его глазах. Словно он хищник, а я его добыча. Он легко поймал меня, не то чтобы я сильно сопротивлялась. Его взгляд напряжен, и мне интересно, всегда ли он вот такой. Мне также интересно, всегда ли у него щетина на лице, или это просто из-за того, что мы так долго пробыли в больнице, и он отказался покидать меня, даже чтобы побриться.

Я протягиваю руку и пробегаю по ней своими пальчиками. Мне она нравится. Он прильнул к моему прикосновению, его глаза закрываются, словно это лучшее, что он когда-либо ощущал в своей жизни.

— Я думал, что ты ушла, — наконец говорит он своим хриплым голосом.

— Я здесь, — пытаюсь я успокоить его. — Просто нужно было сходить в ванную.

Его лоб упирается в мой, и мы просто стоим в таком положении несколько минут, пока он не убирает свои руки со стены, опуская их на мою талию. Затем он делает то, что меня шокирует. Он падает передо мной на колени, заставляя меня врасплох.

— Да, ты здесь. Ты никогда больше не покинешь меня. — Его большие руки скользят под мою длинную рубашку, которая сейчас на мне, и он начинает спускать мои трусики. Когда они достигают моих лодыжек, я выскальзываю из них.

— Скажи это, — говорит он, его слова пропитаны напряженностью, пронзая воздух вокруг нас.

— Я никогда не оставлю тебя, — я вижу, что напряжение заметно покидает его тело.

— Покажи мне. Покажи, что ты принадлежишь мне.

Я кусаю губу, чувствуя себя немного смущённой. Я понимаю, что он хочет, чтобы я сняла рубашку, и он смог увидеть мою киску или ребёнка — точно не знаю. Я знаю, что он мой муж, и что мы, конечно, делали это раньше, но вот прямо сейчас, когда он стоит на коленях и требует это ... это грязно и чертовски горячо, и я чувствую, как румянец появляется на моих щеках.

Я сделаю это. Я хочу дать ему это. Я могу сказать, что он на грани. Если за эти несколько дней я что-то и узнала об этом человеке, так это то, что его мир начинался и заканчивался мной. Похоже, что я его всё, и я должна успокоить его хоть немного. Это чертовски опьяняет.

Медленно потянувшись, я хватаю край рубашки и начинаю поднимать её. Дюйм за дюймом она скользит вверх по моим бёдрам, его глаза следуют за ней, пока я полностью не обнажаю свою киску.

— Ещё, — требует он, и я поднимаю её, пока не обнажаю свой беременный живот.

— Раздвинь ноги шире.

Следуя его приказу, я открываю себя для него.

— Скажи это снова. Скажи, что принадлежишь мне, — его руки поднимаются, задирая мою рубашку и обнажая грудь. Он проводит пальцами по моим чувствительным соскам, делая их ещё твёрже. Затем пальцы тянутся к моему животику, в то время как его вторая рука обнимает меня. — Кому это всё принадлежит, милая малышка Молли?

— Всё это твоё, — я толкаюсь в его ладонь, лежащую между моих ног. Я чувствую влагу между бёдрами.

— Покажи мне, где ты хочешь мой рот. Откройся для меня, — его глаза смотрят на мою киску, и он немного наклоняется вперёд. Он настолько высокий, что даже стоя на коленях, он достаёт до моей груди.

Используя одну руку, чтобы удержать мою рубашку, как он и просил, другой я двигаю вдоль своего тела. Когда я добираюсь до местечка между моими бёдрами, я развожу свои половые губы в сторону для него.

Его глаза наполняются такой страстью и нуждой, что я даже не замечаю, как быстро он двигается. Его рот опускается на мой клитор и начинает сосать его, заставляя меня застонать. Я поднимаюсь на носочки, чтобы у него было как можно больше доступа.

— Вот так, Молли. Трахни лицо своего мужа. Возьми то, что хочешь, потому что я всегда дам тебе это. Я так сильно люблю тебя, — рычит он, прежде чем снова начинает сосать и облизывать меня. Его язык лижет мои пальцы и мою киску, одновременно делая это ещё более эротичным. Я полностью открыта для него, чтобы он мог поглотить меня полностью. И он это делает.

Его руки скользят по моим бёдрам, а затем его пальцы впиваются в плоть сильной, властной хваткой. Я знаю, что он принадлежит мне, и я позволяю удовольствию окутать меня. Этот человек поймает меня в свои сети, и я позволю ему это.

Оргазм окутывает моё тело, заставляя меня прокричать его имя. Я запрокидываю голову назад, мои глаза закрываются, когда удовольствие проходит через всё моё тело. Я чувствую, как он двигается, но не могу открыть глаза.

Он укладывает меня на кровать, и мне кое-как удаётся открыть глаза, чтобы он снова овладел мной. Я начинаю ощущать себя одним целым с этим человеком. И это заставляет меня улыбнуться.

Затем я смотрю вниз и вижу, что он делает. Он снял боксеры и просто поглаживает свой член. Это занимает всего несколько секунд, после чего я ощущаю тёплую сперму на своём клиторе. Я сожалею, что не посмотрела раньше и не увидела, как он дрожит.

Он стонет моё имя, пока продолжает кончать, а затем его движения замедляются. Головкой своего члена он начинает растирать влагу по моей киске. Это самая горячая вещь на свете. После того, как он размазал сперму по всей моей киске, он ползёт по кровати и дарит мне ленивый поцелуй. Я чувствую свой вкус на его губах.

— Теперь тебе и правда нужно покушать, малыш. Поднимайся, — он поднимает меня с кровати и попутно натягивает на себя боксеры. Он подходит к тому месту, где уронил мои трусики, поднимает их и подходит ко мне. Затем он наклоняется, и я вхожу в них.

— Не смей прихорашиваться, — он окидывает меня взглядом, как будто я могу не подчиниться ему, но я просто улыбаюсь и киваю.

— Я собираюсь принять душ, а потом что-нибудь приготовить тебе. Осмотрись здесь, если хочешь, но не трогай лифт.

— И куда мне бежать? — дразню я. Я ведь даже не одета.

— Подальше от меня.

Я хотела сказать, что не собираюсь оставлять его, но его рот резко овладевает моим, не давая возможности ответить. Его язык толкается в мой рот, когда он буквально пожирает меня, словно мы прощаемся навсегда.

Когда он, наконец-то, отстраняется, я задыхаюсь.

— Мне нравятся твои опухшие губки, — говорит он, нежно целуя их, перед тем как уходит в ванную. Он останавливается у двери, поворачиваясь, чтобы взглянуть на меня.

— Я никуда не денусь, — я знаю, что именно это он хочет услышать. Даже не знаю, беспокоит ли меня то, как сильно он переживает. Наверное, нет, но я просто не хочу, чтобы он так мучился. Возможно, однажды авария останется в прошлом, и некоторые из его страхов начнут исчезать.

Он кивает, исчезая в ванной, а я наблюдаю, как он уходит. Я не могу не восхищаться его телом. По сравнению со мной он похож на долбанный танк — в тех местах, где я мягкая, он чертовски твёрд.

Повернувшись, я выхожу из нашей комнаты в коридор. Я прохожу мимо кабинета и захожу в гостевую комнату. Всё белое и простое. В ней нет ничего, что бы указывало на то, что здесь кто-то жил. И здесь ты не ощущаешь себя, как дома.

Но затем я захожу в гостиную и вижу картины, стоящие на полу, около стены. Они выглядят так, будто их нужно повесить. На всех этих картинах изображены мы с Филиппом. Интересно, возможно, это маленькие кусочки моментов из моей жизни, которые я не могу вспомнить. Я просто стою и изучаю их. Они потрясающие.

— Они твои, — говорит Филипп, и я оглядываюсь через плечо, чтобы увидеть его.

— Это я их нарисовала? — я снова смотрю на картины, надеясь что-то вспомнить, но ничего так и не приходит в голову. От них веет таким теплом. Которого, увы, нет в этом пентхаусе. — Я, наверное, и правда тебя обожала, — дразню я, снова взглянув на него. Его волосы мокрые от только что принятого душа, и он одет только в джинсы.

Что-то вспыхивает в его глазах, когда он смотрит на картины, как будто он никогда их прежде не видел.

Филипп

Когда Карл сказал мне, что все картины были обо мне, я и представить себе не мог подобное. Такое ощущение, словно я наполнял каждую её мысль, как и она мою. Это ослабляет чувство обиды, которая всё ещё меня преследует. Когда я проснулся сегодня утром, и её не было в моей постели, я подумал, что потерял её снова.

Я был потрясён тем фактом, что не почувствовал, как она покидает мою кровать, но вчера ночью был самый сладкий сон, в котором я чувствовал себя единым целым. С ней, в моих объятиях, я быстро отдался миру сновидений, зная, что она в безопасности. Что я вернул её, и она больше никогда не покинет меня.

Я должен был почувствовать себя виноватым, что не разбудил её, когда вернулся в постель после того, как ею пообедал, но всё, что мне было нужно, это залезть в кровать и нежиться в её объятиях. Я просто хотел обернуться вокруг нее и забыть обо всех планах.

Я убедился, чтобы репортёры не приближались к ней. Удостоверился, что Сидни не раскроет меня. Потребовалось немало усилий, а также небольшое давление и деньги, чтобы заставить репортёров отступить, но с Сидни все оказалось гораздо сложнее. Я думаю, она слышала отчаяние в моём голосе.

— Мы ждём, чтобы повесить их в новом доме, — немного лгу я. Я, конечно же, повешу их в новом доме, но ложь в том, что я только недавно о них узнал.

— Новый дом. Вот почему это место такое холодное. Ты уже что-то перевёз? — она оглядывает квартиру, скривившись, словно ей тут совсем не нравится.

Я протягиваю руки и тяну её на себя. Она поднимает голову, чтобы посмотреть на меня. Одна из её босых ног поднимается и начинает потирать мою ногу, пока моя девочка еще сильнее прижимается ко мне. Она может и не помнит нас, но её тело. Где-то глубоко внутри неё. Мы вместе. Нам всегда было комфортно вместе. Так было с самого начала.

Я знал, что она не любит это место, но я не думал, что ей оно настолько противно. Как я мог не замечать этого? Я ведь не хотел ничего пропустить, находясь рядом с ней. Когда я делаю её счастливой, то от этого я сам становлюсь счастлив. Когда её лицо сияет, у меня теплеет всё внутри.

— Можно сказать и так. Новый дом почти готов. Обещаю, тебе он понравится.

— Как ты можешь быть так уверен? Я даже не уверена, что знаю, как должен выглядеть дом моей мечты.

— Если тебе там не понравится, я разрушу его и начну всё заново, — отвечаю ей, наклоняясь, чтобы нежно поцеловать её в губы. Боже, как я не замечал этого. Я больше не потеряю ее.

Она начинает углублять поцелуй, и я отстраняюсь, зная, к чему это приведет. У меня уходят все силы, чтобы не взять её прямо здесь, но на каком-то, непонятном мне уровне — это кажется неправильным. Я не буду этого делать, пока она не вспомнит или не скажет, что любит меня.

Я просто надеюсь, что смогу заставить её снова полюбить меня, прежде чем она всё вспомнит. Я до сих пор даже не заю, почему она сбежала, но на этот раз я обязательно сделаю всё правильно. Больше не будет никаких стен и недомолвок с моей стороны. Она увидит, насколько нужна мне. Потому что я не оставлю ей другого выбора.

Я крепче стиснул её в объятиях. — Даже не думай, — дразню её я, прежде чем она

снова сможет потянуться за поцелуем.

— Давай теперь накормим тебя. Затем я разведу твои ножки в стороны на обеденном столе, и позавтракаю сам.

ГЛАВА 11

Филипп

Прошла почти неделя с тех пор, как Молли вернулась домой, и она была просто чудесной. Мы проводили каждую секунду вместе, планируя рождение малыша, и я потакал ей во всем, в чем только мог.

Но все это время нас окружала тень. В глубине моего сознания зарождалось волнение в ожидании того момента, когда она все вспомнит. Именно по этой причине я все еще боялся прикоснуться к ней. Я был между ее ног, по крайней мере, три раза в день, питаюсь из ее сладкой киски. Но каждый раз, когда она просила о большем, я просто дарил ей оргазм за оргазмом, пока она не заснет.

Чувство вины из-за того, что я продолжаю скрывать её побег, продолжает поглощать меня. Молли — мой лучший друг и родственная душа. Мне не нравится сама идея держать что-то в тайне от нее, но я боюсь, что, если она узнает, что ушла от меня, она сможет захотеть сделать это снова. И вот именно эта мысль блокирует любую вину, которую я когда-либо чувствовал.

Мой нынешний план действий заключался в том, чтобы отвлечь ее от волнения по поводу нового дома. Я сказал ей достаточно, чтобы усмирить ее любопытство, но недостаточно, чтобы испортить сюрприз.

Еще до аварии у меня было почти все готово. На этой неделе работа будет закончена, поэтому я собираюсь переехать на новое место и оставить последний год, пропитанный стрессом, позади. Я, наконец, решил прекратить сдерживать свою одержимость Молли и подарить ей всего себя. Мы заслужили это, и тогда все встанет на свои места.

На пока этого не произошло.

Дом пустовал в ожидании того, когда мы переедем в него, и это единственное, что помогает мне избавиться от этого нависшего черного облака. Если я приведу ее в новый дом, это станет новым началом. Больше никаких воспоминаний о пентхаусе и прошлом. Я буду лелеять ее, купать ее в любви, и этот маленький эпизод будет забыт к тому времени, когда ее память вернется. Если она когда-нибудь вернется вообще.

Райан звонил мне каждый день с тех пор, как я вернулся. Я знаю, что есть несколько бумаг, которые нужно подписать. Я просто избегал этого, не желая покидать Молли.

— Мне кое-что нужно от тебя, любовь моя.

Молли поворачивается ко мне, отрываясь от шкафа, с маленькой вещью в своих ручках. Она упаковывает некоторые вещи, которые хотела бы взять с собой в новый дом. Грузчики заберут большую половину этого, но она еще хотела взять одну сумку со своими самыми нужными вещами.

— Что угодно, — отвечает она весело и подходит ко мне.

— Мне нужно забежать в свой старый офис по дороге в новый дом, не против? Нужно подписать некоторые заключительные документы, а затем мы отправимся в путь.

Она обнимает меня за талию и улыбается мне. Ее теплые глаза — это то, что создает мечты, и когда я вижу их, все сомнения тут же испаряются. Я бы повторил этот поступок

тысячу раз, чтобы вернуть ее в свои руки. Мне ничто не помешает. Даже моя совесть.

— После этого мы где-нибудь остановимся, чтобы перекусить. Твой сыночек проголодался, — она снова смеется и прижимает свое тело к моему, и я крепче прижимаю ее к себе.

— Я могу что-нибудь приготовить, пока мы не ушли, — отвечаю я, желая ей дать то, что она требует.

— Нет, мне хотелось бы выйти в свет. Мы так долго были заперты в этом месте. Знаешь, это место стало похожим на клетку.

Ее слова заставляют мои извилины напрячься, но даже если она и заметила мою задумчивость, то просто решил промолчать. Возможно, все это связано с прошлым. Она тут всего лишь неделю, а уже делает такие выводы, от которых меня бросает в дрожь. Я знал, что она не была в восторге от этого места, но я надеялся, что мы смогли бы сделать эту квартиру уютней. Но, похоже, для нее все было далеко наоборот.

— Значит, мы так и поступим.

Целуя ее голову, я беру ее сумку и отношу к двери, ставя ее рядышком с моей. Когда она полностью готова, мы идем к машине и отправляемся в офис. Я чувствую это своим нутром. Чем скорее я увезу ее из этого города, тем будет лучше.

Я держу Молли за руку, когда мы выходим из лифта в коридор моего бывшего офиса. Я не был здесь с ночи, когда Молли оставила меня, и теперь это место кажется пустым и холодным. Совсем не похожим на то место, где я потратил годы, посвящая каждую секунду своей жизни. Я построил великую империю, но для чего? Я всегда был одинок.

Я не знаю, как я посвятил столько лет своей жизни этому месту, особенно прошлый год, зная, что моя Молли ждет меня дома. Я был полностью одержим своей женой и думал, что моя любовь просто оттолкнет ее. Я думал, что моя подавляющая потребность просто задушит ее светлую невинность, и поэтому сдерживал себя. Но теперь больше нет другого выхода. Я больше не могу сдерживаться. После того как все сегодня решится, я никогда не смогу отпустить ее.

Мы направляемся к моему старому офису, и я вижу Кэри, сидящую за столом. Меня удивляет то, что Райан не избавился от нее, особенно после нашего с ним последнего разговора по этому поводу. Словно услышав мои мысли, Кэри отрывает взгляд от компьютера, чтобы поприветствовать нас с улыбкой на лице. Когда она замечает Молли рядом со мной, ее улыбка тут же исчезает, а лицо становится чертовски бледным, когда ее взгляд падает на мою жену.

Внезапно я чувствую, как рука Молли сжимает мою, а затем ее ладонь становится немного влажной. Я смотрю на нее и замечаю панику, которая отражается на ее лице.

— Молли, ты в порядке, любовь моя? — я притягиваю ее к себе, хватая ее за подбородок, чтобы она посмотрела на меня. — Молли?

Она слегка качает головой, будто прогоняя плохие мысли, а затем улыбается мне. — Да. Прости. Не знаю, что на меня нашло.

Дверь в мой старый офис открывается, и появляется Райан. Мыжимаем друг другу руки, и он ведет нас внутрь, закрывая за собой дверь. Прежде чем мы обменяемся любезностями, я тут же спрашиваю о делах.

— Я думал, мы обсудили вопрос о секретарше, — сурово говорю я. Последнее, что мне нужно, это скандал, который испортит мою репутацию, после того как я покину компанию.

— Я знаю, мне очень жаль. После того, как ты ушел в такой спешке, у меня не было

никакой поддержки. Не было никаких проблем, связанных с тем, о чем мы говорили. — Он смотрит на Молли, а потом на меня. — Я не заметил каких-либо нарушений, но я, конечно же, вернусь к этому вопросу, если нужно.

Я киваю, одобряя его решение разобраться с этим.

Райан подходит к своему телефону и нажимает кнопку. — Кэри, не могли бы вы принести мне файл, чтобы мистер Таннер подписал контракт? — Он убирает палец от кнопки, не дожидаясь ответа, и я этому только рад.

— Тогда хорошо. Давай сделаем это, чтобы мы могли поскорее уйти.

Когда я собираюсь сделать шаг вперед, я чувствую, как рука Молли потянулась за мной. Я оглядываюсь на нее и вижу, что она смотрит на диван. Ее глаза прищурены, но она неотрывно на него глазет. Прежде чем я могу спросить ее, что случилось, Кэри входит с папкой в руках.

Молли смотрит на Кэри, а затем на диван, и тут же бледнеет. Такое ощущение, что она увидела призрака, и ее колени начинают подкашиваться.

— Молли! — кричу я, наклоняясь, чтобы поймать ее, прежде чем она бы ударилась об пол.

Взяв ее на руки, я подхожу к дивану и сажусь с ней на коленях, осматривая ее, чтобы убедиться, что с ней все в порядке.

Ее начинает немного трясти, и я открываю рот, чтобы сказать кому-то позвонить в скорую, когда ее рука поднимается и сильно бьет меня по лицу.

Сказать, что я шокирован, это ничего не сказать.

— Какого хрена? — говорю я, глядя на нее.

— Ты, — отвечает она и смотрит на меня с такой ненавистью и гневом. Это взгляд, который я никогда в жизни не видел на ее милом личике. Затем она поворачивается к Кэри, которая тупо стоит в нескольких футах от нас, и указывает на нее. — С ней.

— Это не то, что ты подумала, — отвечает быстро Кэри, делая шаг в нашу сторону.

— Не смей ко мне подходить, — выплевывает моя милая девочка ей в ответ и пытается слезть с моих коленей. — Отпусти меня Филипп. Позволь мне уйти или, клянусь Богом, я разгромлю это место.

— Громи все, что хочешь. Я не отпущу тебя. А теперь расскажи мне, что случилось, — я крепче сжимаю ее, чтобы она поверила моим словам. — Будь осторожна, Молли. Подумай о ребенке, — умоляю я, не желая слишком крепко держать ее.

Мое беспокойство мгновенно заставляет ее перестать двигаться и сопротивляться. Она тяжело дышит, словно пробежала марафон, бросая в меня грозные взгляды. Я не могу припомнить, чтобы она когда-нибудь смотрела на меня так. Это разбивало мне сердце.

— Молли. Детка, поговори со мной. Что происходит?

Она смеется, и в этом смехе нет ни капли веселья. — Я видела тебя той ночью. Я все вспомнила.

Мой живот напрягается от ее слов. Ее память вернулась, и это, увы, не то, чего я ожидал. Мне нужно немного больше времени, но ее слова о том, что она видела меня ... Я в полном замешательстве.

— Ты видела меня ... и что? — я смотрю на нее, прищурив глаза. Если она помнит, значит сможет рассказать то, что сводило меня до сих пор с ума. Почему?

— Почему ты ушла от меня?

Слезы наполняют ее глаза, когда она произносит следующие слова. — Я пришла в офис

и все видела.

ГЛАВА 12

Молли

Шквал эмоций, которые я едва ли могла выдержать, пронзают меня. Все тут же встало на свои места, затопив мою память. Я хочу убраться подальше из рук Филиппа, которые крепко держали меня, но в то же время я хотела прильнуть к нему и ощутить комфорт. Чувство одиночества снова настигает меня, но теперь оно ощущается намного хуже, чем когда-либо прежде. Последняя неделя была... Слезы душат горло, но я сглотнула их, не желая показывать эти эмоции. В этом заключался весь план, не так ли? Уйти? Я пытаюсь собрать все свои силы вместе, я не стану устраивать сцен и выглядеть как сумасшедшая девушка, но я так же не могу контролировать себя, когда они оба стоят в этой комнате. В той же комнате, где ... Я отгоняю эту мысль, зная, что если я этого не сделаю, то не смогу остановить очередной всхлип.

Боль отражается на лице Филиппа. Словно он чувствует мои эмоции. Или, может быть, он просто знает, что его поймали на горячем. Больше никаких притворств. Мы притворялись, что были вместе. То, что я никогда не уходила от него, что он прятал от меня свои скелеты в шкафу, так же как делали мои отец и мать. Я знала, что большую часть моей жизни от меня что-то скрывали, но этого не должно было произойти с нами. Все это должно было быть по-другому. Возможно, я такая же наивная дурочка, как я и думала. Но как он мог так ласково ко мне относиться и одновременно причинять боль? Все это просто не укладывается в голове. Я не могу сложить все кусочки воедино.

— Почему ты так поступил со мной? — он просто смотрит на меня, словно не понимает, что ответить. Я продолжаю. — На этой неделе. Я... — я пытаюсь подобрать слова. — Все было так прекрасно, но это был обман, как и раньше. — Я пытаюсь снова встать, но не могу. Одна из его рук накрывает мой живот в защитном жесте.

Это не имеет смысла. Почему он так поступил? Он бы мог просто быть с ней. Она, очевидно, находится где-то рядом ... Возможно, они даже встречаются.

Ребенок. Вот почему Филипп не спускает с меня глаза. Черт, он даже не выпускал меня из квартиры. Он сказал, что это из-за репортеров. Все знали, что я была травмирована, и они рассказали свою историю, которая была полной ложью. Журналисты спросили бы, где я пропадала все четыре месяца, а не как я провела выходные с моим любящим мужем. Он был бы полностью опозорен. Но нет же, он держал меня дома, черт возьми, и я даже не знала, что он делал.

Филипп, с которым я была, больше не был тем Филиппом, которого я знала. Ну, знаете, словно это был он и не он в одно то же время. Сейчас он стал намного увереннее в себе. Он стал тем, за кого я вышла замуж, только более радикальной версией себя, и мне нравилось это — думать, какой идеальный муж у меня был. За исключением того, что он не прикасался ко мне.

Была ли причиной этому его любовница? Эта мысль заставляет меня снова его ударить. Прошлая неделя была только поводом удерживать меня из-за ребенка? Оградить меня от всего и перевезти в новый дом, который бы стал ловушкой, где бы он делал это снова и снова? Дом нашей мечты.

— Ты пытаешься отнять у меня моего ребенка, не так ли? Я не позволю тебе этого. Я

уйду. Ты не сможешь удерживать меня в плену вечность! — кричу я ему прямо в лицо, не забываясь о том, насколько это было громко. Мое самообладание было на нуле. Я не собираюсь потерять своего мужа и малыша.

— Ты никуда не уйдешь, и никто не станет забирать у тебя твоего ребенка, — лицо Филиппа начинает краснеть, словно мой гнев каким-то образом передался ему. Так всегда происходит, когда мы прикасаемся друг к другу. Словно мы можем ощущать каждую эмоцию друг друга.

— Тогда в чем проблема, Филипп, если ты и твоя любовница не пытаетесь забрать моего ребенка? Знаешь, просто дай мне уйти. Я не буду запрещать тебе видеться с сыном, но прекрати меня терзать. Я не смогу больше этого вынести. Похоже, ты сноварываешь мое сердце на части.

Только на этот раз он делает это безжалостно. Я теряю гораздо больше, чем раньше. Раньше семья была просто идеей, чем-то, чего мы хотели, но теперь прямо здесь и сейчас она утекает сквозь пальцы.

— У меня нет никакой любовницы, — говорит он с яростью. Произнося последнее слово, он смотрит на Кэри. Я поворачиваю голову, следуя за его взглядом.

Кэри делает шаг назад, затем другой, поднимая руки и позволяя файлам упасть на пол, из-за чего бумаги разлетаются по ковру.

— Я могу объяснить. Клянусь, я скажу правду. Только не разрушайте мою карьеру. Это была банальная ошибка, — я вижу страх на ее лице. Не разрушать ее карьеру? У Филиппа была такая репутация. Я никогда не наблюдала за таким прежде, но, похоже, он хорошо скрывал такие вещи.

Я чувствую руку Филиппа на своем лице, поэтому я поворачиваюсь и смотрю на него.

— Детка, я бы никогда не сделал этого с тобой. Я даже не знал, что женщины существовали до тебя. — Мне всегда нравилось, как менялся его тон, когда он разговаривал со мной. Его сладкие слова заставляют слезы течь по моим щекам. Гормоны из-за беременности еще тот кошмар. Филипп наклоняется и целует их, чтобы остановить. Его слова повторяют то, что Синди сказала мне в тот вечер, перед тем как я пришла в его кабинет. Было смешно думать, что у Филиппа был роман.

— Я видела это, — мои слова превращаются в шепот, и я уверена, что только он смог их расслышать. Мои слова наполнены сомнениями. Я до сих пор не понимаю, как он мог это сделать с нами. Может быть, моя собственная неуверенность толкнула меня к такой мысли.

— Она была здесь той ночью. В ту ночь, когда ты работал допоздна. Последняя ночь, когда ты приходил в офис. До сегодняшнего дня, — слышу голос Кэри, но я пристально смотрю на Филиппа. Я не была уверена, видел ли он меня тогда. Я помню, что меня накрыло облегчение, когда лифт быстро приехал. Я боялась, что он будет преследовать меня.

— Нет, ее здесь не было. Я разговаривал с Синди. Она сказала мне, что Молли планировала приехать ко мне после их встречи вечером, поэтому на следующий день я сразу же спросил службу безопасности в приемной, видели ли они ее.

Он не видел меня. Кроме того, я не думаю, что Синди рассказала ему, почему я приезжала в офис. Почему, я понятия не имею. Может быть, потому, что она просто не верила, что это возможно, как она и говорила, и, взглянув на лицо Филиппа, которого будто разрывало на части, я тоже так подумала. Похоже, мы чего-то не договариваем друг другу.

— Я попросила охранника, чтобы он ничего не говорил тебе, — ее слова звучат неуверенно, и я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на Кэри.

— Что? — кричит Филипп, поднимаясь на ноги; я по-прежнему остаюсь в его руках, и это заставляет Кэри отступить еще на два шага назад. Филипп ставит меня на ноги, но я мертвой хваткой держусь своими руками за его шею. Я никогда еще не видела его таким. Он всегда спокоен и крут. Собран и контролирует все эмоции.

За исключением прошлой недели. Казалось, он раскалывался на кусочки, и новый, более решительный Филипп испытывал боль и показал себя настоящего.

— Не отпускай меня, — шепчу я и чувствую, как его хватка снова усилилась.

— Я никогда тебя не отпущу, — Филипп смотрит на меня сверху вниз, и я вижу, что этот гнев исчезает, когда его глаза встречаются с моими. Словно я могу охладить его пыл. Будто я обладаю этой особой силой над ним. Возможно, так оно и есть.

— Я пришла к тебе в офис. Я хотела поговорить с тобой о кое-чем, что меня беспокоило. Я думала, что ты завел роман... — я не продолжаю, потому что больше не верю своим словам.

— Я бы никогда так не поступил, — повторяет он свои слова, сказанные несколько минут назад, но я прерываю его.

— Она была голой в твоём кабинете, — я смотрю на Кэри, а затем снова на Филиппа. — Ты лежал на диване. Одежда была помята, а туфли сброшены. Я подумала... — та ночь тут же вспыхивает в моей голове. Я стараюсь вспомнить каждую деталь. Я избегала этого, потому что было больно даже думать об этом, не говоря уже о том, чтобы попытаться воспроизвести каждую минуту той ночи.

— Пошла вон из этого здания, — коротко говорит Филипп.

— Прости. Я просто хотела быть с тобой. Я думала, что мы станем идеальной парой. Клянусь, я не знала, что твоя жена придет и застанет нас вот так. Я собиралась разбудить тебя. Показать, как бы нам было хорошо. Это было глупой затеей. Теперь я поняла. Пожалуйста, не давай этому огласки. Я просто... — Кэри ищет правильные слова. — Я хотела тебя. Я думала, если предложу тебе себя...

— Какую часть из фразы «убирайся нахер из моего офиса» ты не поняла? Сделай это сама, или мне придется вызвать охрану, потому что я уверен, что в ту ночь не касался тебя. Точно так же, как уверен, что, черт побери, никогда прежде не трогал тебя, — он делает ударение на последней фразе, и я клянусь, что стены офиса трясутся от его слов.

Кэри тут же вылетает из офиса, настолько быстро, что я и не догадывалась, что человек на такое способен.

— Если бы я знал... — начинает Райан, но Филипп поднимает руку, прерывая его.

— Забудь. Я поговорю с тобой позже, — Райан просто кивает и следует за Кэри. Филипп подходит к двери и закрывает ее. Затем я слышу щелчок замка — звук эхом разносится по комнате.

Он поворачивается, прислоняясь к запертой двери офиса.

Я просто стою, виновато глядя на него.

Я подхожу к нему, желая прикоснуться, но он поднимает руку, останавливая меня. Чувство вины в моем сердце становится только больше.

— Я не видел ее той ночью в моем кабинете. Я прилег на диван, а когда проснулся, было уже слишком поздно. Я на самом деле сказал Райану уволить ее, потому что я думал, что она флиртует со мной, что было неприемлемо. Я бы убил всех, кто флиртовал с тобой, — он делает глубокий вдох. — Мне нужна секунда, чтобы взять себя в руки. Я не сержусь на тебя. Сейчас я просто чувствую слишком много всего, и не знаю, что с этим делать, — он

проводит рукой по своим черным волосам, как будто пытается успокоиться. Я вижу напряжение в каждой черте его тела.

— Ты никогда не причинишь мне вреда, — возражаю я, зная, что он никогда меня не ударит. Черт, я ведь ударила его, а он просто это принял.

— Я не знаю наверняка. Мне очень хочется отшлепать твою задницу прямо сейчас, а потом нагнуть над этой кушеткой и вытрахать все это дерьмо, чтобы показать тебе, что ты единственная женщина, которую я когда-либо трахал в этом офисе. Когда-либо в жизни.

Это так похоже на те эмоции, которые я ощущаю в своем сердце. Филипп еще никогда не был так откровенен со мной. На прошлой неделе он делал много разных вещей. Он не занимался со мной любовью с того момента, как я вернулась. Прошло уже четыре месяца, рекорд для нас. Едва ли были дни, когда мы не занимались любовью, прежде чем я сбежала. Даже когда он работал допоздна, она заползал в постель и взбирался на меня.

— Все хорошо, — я начинаю снимать с себя платье. Я хочу этого. Желаю, чтобы мы прикасались друг к другу. Чтобы его тепло заполнило меня. Ослабило эту боль.

— Нет, — рычит он, останавливая меня. — Сначала нам нужно прояснить кое-что. Я опускаю руки и качаю головой.

— Ты думала, что у меня роман на стороне, поэтому и пришла сюда той ночью? — спрашивает он, изучая меня, вспоминая мои слова. Да, я так и думала, но теперь я отказываюсь от тех неверных мыслей. Я приходила сюда, чтобы сказать ему, как чувствовала себя на протяжении тех последних нескольких месяцев.

— Я... — Боже, я чувствую себя дерьмом. Как я могла позволить этому зайти так далеко? — Ты начал приходить домой все позже и позже. У меня была такое ощущение, словно ты что-то скрываешь. И она так относилась ко мне, — я киваю в сторону двери, где находится стол Кэри, — когда я звонила или приходила. Это выводила меня из себя. Тогда Синди сказала мне, что я сумасшедшая, и посоветовала сходить к тебе поговорить. Я так и сделала, но когда пришла и увидела ее обнаженной, я ...

— Твой отец, — заканчивает он за меня. Я собиралась сказать, что я испугалась и убежала, но да, основной причиной был мой отец. Филипп попал в яблочко. Я опускаю голову и смотрю на свои ноги, чувствуя стыд из-за того, что я позволила этому встать между нами.

Затем Филипп поднимает меня, сажая себе на колени, когда устраивается на диване.

— Это не твоя вина, милая Молли, — боже, как же мне нравится, когда он меня так называет. Я смотрю в его темные голубые глаза, такие мягкие и сладкие. Его большие руки обхватывают мое лицо. — Я должен был догадаться, что ты так подумаешь, но я слишком беспокоился о тебе. Что мне с тобой стоит делать. Ты такая молоденькая, и я почти забыл об этом в каком-то роде, но о потребностях я помнил.

Его большой палец опускается на мои губы, и я не могу удержаться, чтобы не облизать его, заставляя улыбку растянуться на его губах.

— Я не понимаю, — признаюсь я.

— Я должен был знать, что ты подумаешь об этом. Черт возьми, мы провели в постели много ночей, ты рассказывала мне, как твой папа вел себя, и что ты никогда не хотела бы такой же семьи. Что он испортил твою мать, и я так же понимал, что это дерьмо зацепило и тебя. Что он сделал с тобой. Я знал обо всем этом. Его тайный роман, когда ты была слишком маленькой, чтобы что-то понять. Ты всегда говорила, что должна была получить эту глупую степень по искусству. Вот почему мне было пофиг, когда я забрал тебя в другой

город, подальше от него. Именно поэтому я высказал ему в ту ночь все, что думаю о нем, перед тем как мы поженились.

Я смотрю на него. Я не должна удивляться, что он что-то сказал моему отцу, но я даже и подумать не могла, что он заметил то, что сделал мой отец. Вся моя проблема возникла из-за моей неуверенности. Филипп никогда не обращался со мной так, будто я была ему безразлична.

— Ты слишком молода, и я знал это. Я должен был лучше заботиться о тебе.

— Ты заботился обо мне. Это я была глупа. Я должна была остаться и сражаться. Мне нужно быть ...

— Сражаться за мужа, который допустил, что такая идея поселилась в твоей головушке? Сражаться за мужа, который сказал тебе, что даст тебе все, но не сдержал слова?

— Мы бы все равно сделали это, — говорю я ему, потому что это правда. Я понимаю это сейчас. Он усердно трудился на работе. Вывозил нас за город. Он говорил об этом всю неделю.

— Мы бы это сделали — уже делаем, — поправляет он. — Но все это также уходит корнями в мою неуверенность. Я боялся, что ты разлюбишь меня, если бы узнала.

Я чувствую, как мои брови приподнимаются, не понимая, что он имеет в виду.

— Как бы то ни было, мы справимся. — Я пытаюсь успокоить его. Я тоже не хочу, чтобы эти мелкие сомнения были между нами. Возможно, причиной тому стал мой возраст. Больше это не имеет значения. Это свело нас вместе, неважно, каким путем. Это привело меня туда, где я хотела быть: на его коленях, с нашим малышом в моем животе, который уютно расположился между нами.

— Я знаю, что будем, потому что уже слишком поздно. Я боролся с этим слишком долго, и теперь я не могу больше это сдерживать.

Я пытаюсь немного пошевелиться, чтобы поудобнее устроиться на его коленях. Мой беременный животик потирается о его твердый живот. Его руки спускаются с моего лица к бедрам, где заканчивается платье. Затем они скользят чуть ниже, и кончики его пальцев исчезают под моим платьем.

— Я пытался сдерживать себя с тобой. Да, я много работал, погружаясь в работу с головой, потому что я все сильнее и сильнее желал тебя. Мои мысли всегда о тебе. Я всегда хотел, чтобы ты была рядом со мной. И я просто боялся, что в конечном итоге я буду слишком давить на тебя своей потребностью.

— Мне нравится твоя потребность, если она похожа на то, что ты показывал на прошлой неделе, — отвечаю я, впитывая взгляд, который красуется на его лице. Столько голода и страсти. Они настолько мощные, но мне это только нравится. Я хочу его так же сильно, как и он меня.

Филипп наклоняется вперед, его руки скользят под моим платьем, и пальцы зарываются в мои бедра в сильной, властной хватке.

— Я все еще голоден, — его рот всего в миллиметре от моего. — Я все еще хочу каждый твой дюйм, — а затем его губы впиваются в мои.

Я чувствую, как стало влажно между моими бедрами, и мои трусики чертовски намокают, когда его пальцы касаются хлопка. Я отчаянно нуждаюсь в прикосновениях. Я чувствую напряжение между нами, и его нужно разрядить. Я хочу, чтобы он овладел мной настолько жестко, чтобы весь нависший негатив между нами можно было убрать навсегда.

— Прощу, — стону я, когда его губы находят мою шею, а его пальцы проникают в меня.

Толстые пальцы растягивают мою тугую киску, пока его язык ласкает мою ключицу.

Если он спросит меня, чего я хочу, я не смогу ответить. Желание настолько сильное в моем теле, что я даже не знаю, как выразить словами то, что потребуется, чтобы удовлетворить его. Все что я могу, это умолять и молиться, чтобы он дал мне то, без чего я не могу продержаться и секунды.

Внезапно я встаю на колени на краю дивана, а Филипп движется позади меня. Я ощущаю, как задирается мое платье, и прохладный воздух ударяется об мою киску, когда он с яростью срывает мои трусики. Я хватаюсь за заднюю часть дивана и наклоняюсь вперед, шире расставляя свои ноги.

— Ты думала, что я трахал кого-то еще на этом диване? — слышу я его голос, от которого вся кожа покрывается мурашками, а затем следует шлепок. — Я покажу тебе единственную женщину, которую поймею на этом диване.

Второй шлепок следует также быстро, и я шокирую нас двоих, когда стону, запрокидывая голову назад.

— Думаю, мы оба знаем, что ты этого заслуживаешь. Потому что ты моя.

Его рука скользит между моих ног, и я чувствую насколько намокла.

— Филипп, — стону я и немного ерзаю.

— Я знаю, что нам обоим нужно.

Звонящий звук от его пояса, который он расстегивает, как бальзам мне на душу. Когда я чувствую головку его члена у моего входа, и как его большая рука хватается меня за бедро, мы будто снова становимся единым. Он одним быстрым движением входит в меня, и основание его члена полностью прижимается к моим мокрым складкам. Он полностью во мне, а я до краев наполнена им.

— Ох, Филипп! — мой крик эхом разносится по офису, и мне, наверное, должно быть стыдно, что кто-то может слышать нас через двери. Но вместо этого я теряюсь в удовольствии, и стону все громче и громче.

— Вот так, любовь моя. Пусть все чертово здание услышит, как сильно я тебя хочу.

Он выходит из меня, а затем снова заполняет. Его хватка стала жестче, а его толчки неистовее. Ему это нужно так же, как и мне.

— Я хочу, чтобы все видели, как я одержим своей женой. Я больше не могу это контролировать. Ты теперь будешь получать всего меня, всегда, — его толстый член снова покидает мое лоно, затем Филипп стонет, и снова погружает его в меня. — Каждый дюйм.

Он говорит сквозь стиснутые зубы, и грязные словечки заставляют мои чувства биться через край.

— Ты мне так нужна, Молли. Это так затягивает. Я закрываю свои глаза, и ты — все, что я могу видеть. Все напоминает мне о тебе; все, о чем я могу думать, это как оказаться в твоей сладкой киске. Я хочу привязать тебя к себе, чтобы ты никогда не смогла убежать.

Я снова стону от его слов, в шоке от того, насколько я их обожаю. И как бы странно это не звучало, но мне приятно знать, что мой мужчина сходит по мне с ума. Кто не хотел бы быть желанной за рамками рационального поведения? Какая женщина не хотела бы быть обожаемой своим мужем?

Я откидываюсь назад, в то время как он толкается вперед. Я толкаюсь назад и поднимаюсь, накрывая его шею своими губами. Его руки двигаются от моих бедер к передней части моего платья и моей чувствительной груди. Он играет с моими твердыми сосками, не переставая их терзать. Идеальный темп заставляет меня сжаться вокруг его

члена, и наши стоны заполняют комнату.

— Я кончаю, — говорю я, но он уже об этом знает. Я чувствую его улыбку на моей шее, когда дохожу до своего пика и кончаю на его твердом, толстом члене. Я чувствую, как моя теплая влага обволакивает его член, и хлюпающие звуки нашей любви раздаются на фоне моего оргазма. Я кончаю сильно, наслаждаясь каждой волной своего удовольствия. Мое тело бьется в сладкой агонии, которую я передаю ему.

— Я люблю тебя, — хрипло говорит он, когда его горячая сперма заполняет мою киску, покрывая меня.

Я чувствую каждую пульсацию его члена, пока сперма заполняет меня. Возможно и прошли месяцы с тех пор, как мы занимались любовью, но такое чувство, словно мы и не расставались. То, как он кончает внутри меня, как мы теряемся друг в друге — это физическое выражение любви, которая возникла в тот день, когда мы встретились. Это то, что есть только между нами. То, чего больше ни у кого нет и никогда не будет. То, что мы всегда обретем, даже если я снова потеряю память.

— Я тоже тебя люблю, Филипп.

Мои слова звучат немного устало. Я не понимала, насколько вымоталась, пока мой оргазм не напомнил мне об этом, а затем я осознаю, что Филипп держит меня в своих объятиях. Я могла бы завалиться спать на этом диване прямо сейчас и проспать несколько дней, но вместо этого Филипп помогает мне подняться, и его член выскальзывается из меня.

Я хочу пожаловаться, но он только улыбается, поправляет платье и целует меня в нос.

— Я тоже, моя любовь. Но чем скорее мы выберемся отсюда, тем скорее я смогу полностью насладиться тобой.

Я опираюсь на его тело и киваю, когда он поднимает меня на руки.

— Мне нравится, как это звучит, — бормочу я, а затем погружаюсь в сон.

ЭПИЛОГ

Молли

Чуть более года спустя...

— С Днем рождения, Ноа! — Мы с Филиппом ставим небольшой торт перед ним. Ноа смотрит на нас своими блестящими от счастья глазками, а затем сразу же погружает свои маленькие ручки в торт, хватая небольшие кусочки и засовывая себе в ротик.

Я чувствую, как руки Филиппа опускаются мне на талию, когда он прижимает меня к себе. Когда он поднимает свою руку и вытирает мою слезу, я понимаю, что плачу.

— Как ты, детка? — шепчет он мне на ухо, когда наш годовалый малыш весело смеется, пока творит беспорядок.

Не знаю, смогу ли я ответить без всхлипывания, поэтому просто киваю головой.

— Он всё ещё наш малыш, — говорит Филипп, и я чувствую улыбку в его голосе.

Глубоко вздохнув, я стараюсь насладиться моментом. — Я выгляжу полной дурочкой. Знаю.

— Нет же. Он просто очень быстро взрослеет.

Окидывая взглядом комнату, я вижу, как наши друзья празднуют первый День рождения нашего малыша. Здесь также присутствует много родителей со своими детьми, которые бегают и хорошо проводят время. Такой прекрасный момент, а я трачу его на слезы. Я не понимала, насколько это будет эмоционально, но, видимо, взросление моего маленького

мужчинки еще на один год оказалось для меня тяжелее, чем я ожидала.

Счастливое лицо Ноа заставляет меня улыбнуться, и ощущение тепла и безопасности рук Филипа помогает мне расслабиться. Я знаю, что у нас будут еще дети, но он всегда останется нашим первенцем. И он всегда будет для меня малышом. Неважно, сколько ему будет лет.

— Молли?

Я поворачиваю голову и убираю зубную щетку изо рта. Филипп стоит у входа в ванную и нервно смотрит на меня.

— Что случилось, малыш? — спрашиваю я, ополаскивая зубную щетку, и возвращаю ее обратно в держатель.

Он входит в ванную, встречается меня на полпути и кладет что-то в мою руку.

Прежде, чем я могу рассмотреть, что это такое, он целует меня, и я теряюсь в ощущениях его теплых губ и языка. Я всегда отключаюсь от реальности, когда его рот оказываются на мне, и этот случай тоже не исключение. Когда он отрывается от меня, я наклоняюсь, пытаюсь получить больше, но он кладет руки по обе стороны от моего лица.

— У тебя задержка уже неделю. Я думаю, тебе стоит воспользоваться этим.

Я на секунду смущаюсь, а затем смотрю на тест на беременность в своей руке. Я хочу засмеяться над абсурдностью ситуации. Филипп всегда знает о моем цикле лучше, чем я, но это было просто невозможно.

— Думаю, ты ошибаешься. Я только прекратила кормить Ноа неделю назад. Я сомневаюсь, что можно так быстро забеременеть снова.

— Ты можешь говорить и думать о грудном вскармливании сколько хочешь. У тебя продолжает течь молоко, твои месячные были довольно регулярными до этого момента, несмотря даже на то, что ты кормила грудью.

Закатывая глаза, я беру этот тест и иду к отдельному туалету в ванной, закрывая за собой дверь. Я не беременна. Знаю, что Филипп был бы на седьмом небе от счастья, узнав с еще одним малышом, как и я. Но я не уверена, что смогу забеременеть снова. Он изо всех сил старался оплодотворить меня с самого первого дня, как мы встретились. Но ведь прошло столько времени, чтобы я забеременела Ноа, поэтому, думаю, потребуется не так мало времени, прежде чем я смогу снова забеременеть.

Я была настолько эмоциональна эти последние пару недель, что списала это на то, что больше не кормлю Ноа. Когда я сажусь и писаю на тест, всякие мысли начинают лезть мне в голову. Не хочу напрасно себя обнадеживать, потому что знаю, что беременность сейчас практически невозможна.

Но когда я заканчиваю и выхожу из комнаты, я тону в тумане надежды. А что если это окажется правдой?

Филипп стоит у раковины, вытянув руки, ожидая меня. Я подхожу к нему, кладя тест на тумбочку перед нами. Его теплые руки окутывают меня, и внезапно я оказываюсь в полной безопасности. Ничто не может разрушить нашу семью, и все встало на свои места. Все мои заботы отходят на задний план, когда я чувствую, как он обнимает меня и целует в макушку.

Закрываю глаза и не думаю о том, что могло быть. Я думаю только о том, что есть. Насколько совершенна наша жизнь, и как нам повезло, что Ной — здоровый ребенок. Мысли о том, что могло быть, о том, как мы могли расстаться, начинают проникать в мои мысли, но

они легко исчезают на фоне той любви, которая нас окутывает. Здесь больше нет места плохим мыслям о том, что могло бы произойти, когда мы двигаемся в нужном направлении. То, что привело нас к этому моменту, не имеет значения. Все, что имеет значение, это то, что мы вместе.

— Пошли в постель, любовь моя, — говорит Филипп, выводя меня из ванной.

— А как же тест?

Он не говорит ни слова, когда выключает свет и выводит меня в нашу спальню. Он поднимает меня и ставит посреди кровати, медленно избавляя меня от моей ночной рубашки, которая когда-то принадлежала ему, и от моих трусиков. Он целует мои бедра и переходит на ноги, лаская каждый мой дюйм. Мысли о тесте слишком сильно меня беспокоят, но у него отлично получается меня отвлечь.

Я чувствую его везде, он целует мои пальцы ног и медленно пробегает своими пальцами по моей обнаженной коже. Я чувствую, как его теплая грудь двигается по моему телу, и я понимаю, что он тоже голый. Сейчас я нахожусь в тумане похоти и сосредоточена только на здесь и сейчас.

Когда его рот приближается к моему бедру, и его язык нежно очерчивает там линии, я стараюсь отбросить застенчивость на задний план. Вместо этого я просто сосредоточусь на том, насколько хорошо это ощущается. Когда я была беременна Ноем, у меня было очень много заметных растяжек. Раньше у меня их никогда не было, но когда носишь такого большого ребенка, то появляются очень заметные красные и глубокие отметены. Я волновалась, что буду не такой красивой для Филиппа, как раньше, но я ошибалась. Он говорит, что сейчас я стала только краше, и что эти растяжки показывают ему, что я пережила, чтобы дать нам семью. Каждый раз, когда мы занимаемся любовью, он почти молиться на них и на меня.

Когда его язык опускается ниже, между моих ног, мои бедра раскрываются без малейшего колебания. Он владел каждым дюймом меня, и он может продолжать иметь это, если это то, что он хочет.

Его рот облизывает меня в тех местах, которые он так хорошо знает, в том ритме, который мне нравится. Здесь нет места ласкам или поддразниваниям. Просто его рот на моей киске, поглощающий мой оргазм. Я почти не двигаюсь. Я просто лежу там, а он сосет меня, пока я не кончаю. И когда я это делаю, моя спина выгибается, и я стону, чувствуя, как невероятный оргазм пронзает мое тело. Это именно то, что мне сейчас так необходимо.

— Как ты всегда это делаешь?

— Делаю что? — бормочет он, прокладывая дорожку из поцелуев по моему телу.

Он встает между моими ногами, но не делает ничего, чтобы толкнуться своим членом в меня. Вместо этого он просто нависает надо мной, глядя мне в глаза.

— Всегда даешь мне то, что мне нужно, когда я сама даже этого не знаю?

Его улыбочка становится немного дерзкой, и это заставляет меня улыбнуться. Хотя я чувствую себя немного уставшей и ошеломленной после такого оргазма, который он только что мне подарил.

Он не отвечает. Он наклоняется и клеймит мой рот, позволяя мне попробовать себя. Его поцелуй такой же сильный на моих губах, как был на моей киске. Он полностью поглощает меня, а я просто лежу и принимаю это. Его тело немного сдвигается, а его член прижимается к моей киске. Одним сильным толчком он заполняет меня, прорываясь внутрь. Это то, что нам нужно. Мы как одно целое, когда наши души и тела соединяются вместе. Как

бы глупо не звучало, но он моя родная душа. Я без всяких сомнений знаю, что ждала его всю свою жизнь. И я рада, что делала это, потому что он стоил того ожидания.

Наше занятие любовью нежное и медленное, без какой-либо спешки. Филипп берет на себя инициативу, поскольку он дает мне бесконечное удовольствие. Я так много раз кончала, но он требует все больше и больше. Наконец, когда я почти теряю сознание от всех оргазмов, Филипп делает толчок в мою кисть и кончает.

Мы лежим в полной тишине, обнимая друг друга, и я собираюсь уже заснуть, когда Филипп шепчет в темноте.

— Если это будет девочка, я хочу назвать ее твоим именем.

— Хмм? — я почти уже в царстве морфея, когда его слова доходят до моих ушей.

— Я видел тест, перед тем как отвести тебя в кровать. Я был прав. Как и всегда.

ЭПИЛОГ

Филипп

Спустя шесть лет ...

— Один, два, три, четыре ...

— Папа, почему ты считаешь?

Я стискиваю зубы, потому что Ноа сидит рядом со мной, и я не хочу устраивать сцену. Мы находимся на футбольной игре ЭмДжей, и я не хочу смущать ее.

— Ничего, сынок, — отвечаю я Ноа сквозь стиснутые зубы. Я внимательно слежу за тем, как тренер ЭмДжей разговаривает с Молли в стороне, наклоняясь к ней слишком близко, как мне кажется. Он всегда улыбается ей, ведет себя дружелюбно, но именно сегодня это уже раздражает. Он наклоняется и смеется над всем, что она говорит, и это чертовски меня бесит.

Моя почти пятилетняя дочь ЭмДжей (прим. пер. — с англ. MJ), названа в честь Молли. Мы начали называть ее Молли Младшей (прим. пер. — англ. Molly Junior), как только она родилась, и поэтому в сокращенном варианте так и прижилось имя ЭмДжей. В данный момент она находится на поле, собирает цветочки и борется с другими детьми — сегодня она веселиться по полной.

Единственная проблема, похоже, исходит от ее чрезмерно дружелюбного тренера.

На прошлой неделе Молли упомянула, что тренер присылает ей много писем по электронке, и это немного ее раздражает. Когда я зашел на электронную почту Молли, я заметил, что она была единственным получателем писем. Молли не обращала на это внимание, говоря, что он просто пытался помочь ЭмДжей сосредоточиться.

Я начал наблюдать за ним, когда он ошивался возле моей жены и прилагал все усилия, чтобы всегда быть на стороне Молли, когда проводились подобного рода игры. Я доверяю своей жене, и я знаю, что она никогда не пересечет линию, но этот ублюдок должен знать свое место.

Он тянет свою руку и кладет на ее плечо, немного сжимая его, и я смотрю на них, когда это происходит. Я тут же подрываюсь со скамейки.

Я замечаю, как Молли делает шаг назад от такого контакта, и это меня бесит. Ей не нравится, что кто-то касается ее, кроме меня. И мне тоже. Я единственный, кто прикасается к ней, даже самым случайным образом. Она моя. В каждом чертовом смысле этого слова.

— Коснись моей жены еще раз, и будешь писать письма своей матери пальцами ног.

На его лице появляется шок, и это, должно быть, смешно, но я слишком зол, чтобы

оценить это. Я чувствую руку Молли на нижней части моей спины и немного расслабляюсь, но гнев все еще кипит внутри меня.

— Простите, мистер Таннер. Я не хотел обидеть ...

— Держи свои руки и электронную почту под контролем.

Другой человек поднимается со скамейки и встает перед тренером, оказываясь между нами.

— Я буду признателен, если вы отступите от моего мужа, прежде чем тут возникнет сцена, которую дети не должны видеть, — говорит мужчина.

Я смотрю через его плечо на тренера, который сейчас очень смущен.

— Филипп, — говорит Молли позади меня, — это Брэд и его муж, Рон. В эти выходные они пригласили нас на пикник. Я просто говорила ему, что мы с удовольствием придем.

Я не могу ничего сказать, поэтому я просто киваю. Я чувствую, как Молли выглядывает из-за меня и машет Брэду и Рону.

— Мы бы хотели взять и детей, если вы все еще заинтересованы. Дайте нам знать.

Прежде чем я могу извиниться или сказать хоть что-то, Молли ведет меня на трибуны к Ноа.

— Что ж, все прошло не так уж и плохо, — говорит она, слегка вздохнув.

— Он не должен был касаться тебя, — это все, что я ворчу, когда Ноа и Молли начинают смеяться.

Она наклоняется и целует меня в щеку, и весь мой мир снова приходит в равновесие. Как этой женщине удастся дать мне то, что нужно именно в тот момент, когда мне это просто необходимо?

Я обнимаю свою жену, и мы наблюдаем за остальной частью игры ЭмДжей; я соглашаюсь извиниться перед тренером дочери после соревнования. Возможно, он и не хочет мою Молли, но не будем испытывать судьбу. Она моя до конца жизни, и я буду следить за тем, чтобы никто и ничто не встало на моем пути.

КОНЕЦ

Больше книг на сайте - Knigolub.net